

ВЯЧЕСЛАВ ДЕНИСОВ

БЕРМУДСКИЙ АРТЕФАКТ

ОНИ ЖДУТ СПАСЕНИЯ
С МИНУТЫ НА МИНУТУ.

С МИНУТЫ НА МИНУТУ ОНИ
ВОЗВРАЩАЮТСЯ В НОВЫЙ КОСМАС...

Остров. Остаться людьми

Вячеслав Денисов
Бермудский артефакт

«ЭКСМО»

2009

Денисов В. Ю.

Бермудский артефакт / В. Ю. Денисов — «Эксмо»,
2009 — (Остров. Остаться людьми)

Прошло около десяти дней с тех пор, как пассажиры морского лайнера «Кассандра» оказались брошенными на произвол судьбы на небольшом необитаемом острове близ Бермуд. Уже на вторые сутки стало очевидным, что на этом клочке суши они не одни... В ожидании возвращения «Кассандры» одна группа остается на берегу, другая отправляется на разведку в глубь джунглей. Внезапно на остров опускаются непроглядные сумерки, в которых хозяйничают неуловимые призрачные твари. Спасаясь от них, люди из второй группы находят наполовину вкопанный в землю огромный авианосец времен «холодной войны», а на его палубе пять американских бомбардировщиков – знаменитое звено «Эвенджеров», пропавшее в небе над «Бермудским треугольником» 5 декабря 1945 года...

© Денисов В. Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вячеслав Денисов

Бермудский артефакт

Морской пассажирский лайнер «Кассандра» совершает круиз по Карибскому морю. Помощник капитана судна предлагает группе пассажиров совершить небольшое путешествие на легких катерах и посетить один из необитаемых островов Бермудского треугольника. Пятнадцать человек сходят на живописный берег и отправляются на прогулку в джунгли, однако по возвращении не находят ни катеров, на которых приплыли, ни своих проводников. Исчезла и «Кассандра», которая ранее виднелась на горизонте...

Одному из пассажиров, итальянцу по имени Адриано, становится плохо, и он скоропостижно умирает. Англичанин доктор Донован констатирует смерть от отравления сильнодействующим лекарством...

Столь же внезапно ухудшается самочувствие еще у одного пассажира – бывшего морского офицера Макарова, заблудившегося в лесу. У него начинаются галлюцинации, наступает клиническая смерть. Однако во время комы кто-то делает ему спасительную инъекцию прямо посреди джунглей. Доктор Донован приходит к выводу, что русского пытались отравить тем же препаратом, что и итальянца. Макаров вспоминает, что на корабле выпил кофе, который официант принес для Адриано. Второй итальянец, Франческо, путешествовавший вместе с покойным, ведет себя крайне подозрительно, впадает в ступор, но ни на секунду не расстается с кейсом, который зачем-то взял с собой на остров. Под пиджаком Франческо оказывается пистолет, который ему приходится отдать Макарову...

Макаров путешествует вместе с малолетним сыном по имени Питер. После гибели матери в автокатастрофе у Питера открылись экстрасенсорные способности – он может частично предсказывать будущее. На острове Питер встречает свою погибшую мать, а его отец, Макаров, находит в джунглях сим-карту без опознавательных знаков. Вставив ее в телефон и набрав неизвестный номер, он слышит в трубке голос покойной жены...

Пассажиры исчезнувшего лайнера решают разделиться. Большая часть остается на побережье, а Макаров, Донован и еще один русский по имени Гоша отправляются в глубь острова на разведку...

В скором времени все, кто сошел на берег, убеждаются в том, что остров обитаем. Здесь живет нечто кошмарное, необъяснимое и жестокое. Следуют первые нападения – существа, населяющие остров, активизируются в ночное время суток. Первым с ними встречается Макаров, и ему чудом удается спастись...

Тем временем Гоша и Донован случайно набредают в джунглях на врытый до половины в землю огромный авианосец. Спасаясь от неведомых агрессивных существ, они взбираются на его борт...

Оставшиеся на берегу разбивают лагерь. Еще один русский турист, называющий себя Левшой, отправляется ловить рыбу и исчезает. Во время рыбной ловли кто-то оглушает его ударом по голове. Придя в себя, Левша понимает, что привязан к дереву, видит вокруг себя усталых изможденных людей – это пассажиры другого прогулочного катера, отправившегося от борта «Кассандры» к острову на полчаса раньше...

Глава первая

Обхватив колени руками, Дженни сидела на берегу, и мгновения прошлого пролетали перед ней, как летучие мыши. Она ждала человека, который должен был вернуться. И казалось ей, что будущее ее и находящихся рядом людей зависит от него, и если он придет, то и прошлое перестанет ее терзать своими сомнениями и страхами.

...Штат Кентукки. Она открывает глаза в теплой постели, а рядом – кукла, Берта. Уже хорошо. Где мама? Папа где?

Идут годы. Девушка помнит, что она – Дженни из рода МакНаман и что мать умерла на руках ее, а отца незадолго до этого заломал гризли. Но болезнь все перемешала в ее голове. И даже муж ее, композитор и певец ее стихов, так глупо погибший в 99-м в автокатастрофе, запомнился ей лишь как очередной, полный сомнений и страхов, смутный эпизод прошлого...

«Твой дед, Стив МакНаман, был офицером, милая. Он пропал без вести в сорок пятом году» – вот и вся родословная...

А ведь она помнит еще десятки своих жизней, выкорчевать их из памяти невозможно...

Дженни ждала человека, который должен был выйти из леса. Она знала, что, если он вернется, все будет по-другому. Для нее, для Берты, для остальных. Для тех, за кем скоро должна вернуться «Кассандра».

Но кто знал, что будет так...

* * *

Лес шевелился, словно живой. Макарову подумалось, что если бы сейчас он смотрел на него с высоты полета вертолета, то могло показаться, что это склоняется под потоками воздуха от его винтов нежный степной ковыль. Деревья, шатаясь, как толпа психопатов на прогулке, стонали и гудели. Таковую погоду клянут врасплох застигнутые рыбаки и охотники, деревенские жители стараются побыстрее загнать скот во двор, а городские мальчишки ловят убегающий от них по хоккейной коробке мяч и, поймав, спешат по домам.

Выбравшись из ямы, в которую скатился после нападения тварей, он наугад прошел несколько сот метров. Пытаясь призвать на помощь логику, он бросал эту затею сразу, как только вспоминал о внезапно наступившей ночи. Ночь, накатившаяся в разгар дня и так же внезапно отступившая, – что может быть более неразрушимой преградой на пути логики? Затмение солнца? Но оно случилось первого августа прошлого года. Затмение не может наступать, когда ему захочется. А сколько он находился без сознания?..

Он уже несколько раз смотрел на свою руку. Едва он разглядел сквозь пелену трупы тварей, он сразу посмотрел туда, где еще горел припухлостью укол от инъекции. Новых следов не было. Значит, он просто потерял сознание от боли.

Рубашку пришлось снять и разорвать на ленты. Другого материала, чтобы перевязать распоротый бок, не было. Стягивая зигзагообразную рваную рану, он морщился от отвращения. Хотелось найти ручей, лужу – любой источник, где можно было умыться и оттереть землей руки. Они касались тварей, твари касались их...

Логика... Ее не было. Ночь, скороспелое утро, теперь ветер, какого не было, как и логики, все дни пребывания Макарова на острове.

– В это время года бризы не бывают так жестоки, – бормотал он, чтобы перегнать страх и отчаяние. Он шагал внутрь острова, не выбирая дороги. Так идут без надежды выйти куда-нибудь упрямые люди. – Откуда этот ураган? Запоздалое остаточное явление странной ночи?

Он говорил, чтобы слышать себя. Ему нужно было подтверждение, что он в сознании.

Возвращаться в лагерь он не мог. Даже в таком состоянии. Вернуться без Гоши и Донована, чтобы рассказать о каких-то тварях, вызвать к себе жалость и снова отправиться в путь? Нет, это невозможно.

Уже несколько раз Макаров подавлял в себе желание громко выкрикнуть имена тех, кто отправился с ним в поход. Но желание это смывала одна только мысль, что на крик этот придут не они. За поясом он нес «вальтер» с запекшейся на нем кровью, без патронов, совершенно бесполезный. Сработала армейская привычка не бросать оружие.

Ветер хлестал его пальмовыми листьями по лицу, когда он забирался в джунгли, и словно омывал свежестью, когда он выходил на свободное от деревьев место.

– Сейчас я попробую вспомнить, что знаю о Бермудском треугольнике, – пообещал он себе, забираясь на взбугрившийся перед ним холм. Тяжесть подъема была тем приятна, что он знал – после подъема непременно будет спуск. Воды не было, жажда мучила его все сильнее, рана жгла распоротый бок. Макаров нашел себе утешение – рука твари прошлась по касательной, значит, рана не так глубока. Когтями или тем, что было зажато в той руке, тварь просто вспорола кожу, и если бы не поврежденный участок плоти, который горел теперь, как ожог, о ране вообще можно было забыть. За чехардой этих утешительных мыслей Макаров вдруг сообразил, что просто хочет пить и сейчас находит для себя причины не выглядеть жалко. Ему просто хочется окунуть лицо в холодную воду и напиться до отвала...

Его подлодка никогда не бывала в Атлантическом океане вообще и близ Бермудских островов в частности. Но в любой момент могла оказаться там в будущем. Поэтому он знал все то, что должен знать офицер флота.

– В сорок пятом, – бормотал Макаров, переставляя ноги и чуть покачиваясь, – здесь медным тазом накрылись пять торпедоносцев «Эвенджер»... Взлетели во Флориде и здесь пропали. И где они, никто, даже сам господь, не знает... На поиски направили другие самолеты, и один из них тоже исчез...

О чем болтали пилоты? Макаров сейчас вспомнит... Тот разговор уже давно не военная тайна и является учебной страшилкой для моряков и летчиков всех стран... «Мы не можем определить направление, – кричали пилоты, – а океан выглядит не так, как обычно...» «Мы опускаемся в белые воды», – последнее, что успел сказать командир звена...

Он остановился, чтобы посмотреть в сторону океана. Где-то там – Питер... Но океан не был виден. Спустившись с пригорка, Макаров лишил себя возможности любоваться его блеском.

Но он заметил другой блеск. В двух или трех километрах от него, на вершине холма, вспыхнула яркая точка. Но потом померкла.словно солнечный луч налетел на осколок бутылочного стекла и, порезавшись и истекая светом, поспешил убраться прочь.

– Потом было судно «Сандра»... – пробормотал Макаров, с неохотой отрывая взгляд от холма и снова начиная движение. – Исчезло, сволочь, в шторм... пропало...

При упоминании о шторме он спровоцировал раздражение. Дело в том, что ему, как никому на берегу, было известно, что Бермудский треугольник – а если верить маршруту тура и словам персонала «Кассандры», именно через него они и следовали, и было бы очень странно, если бы не следовали, ведь из Кубы в Гамильтон, столицу Бермуд, можно пройти только одним способом – войдя в треугольник, – это зона частых циклонов и штормов. Еще на борту «Кассандры» он с удивлением наблюдал за тем, как спокоен и безразличен к августу океан. И это странно, потому что август – это как раз начало штормов в этом полушарии...

Макаров не верил в инопланетян и другие, навеянные марихуаной, гипотезы. С равным успехом можно поверить в чудовище, которое уже несколько тысяч лет топит суда, утаскивая их на дно шупальцами...

Споткнувшись, он упал, чертыхнулся, и лицо его исказилось гримасой боли. «Вальтер» во время падения больно ударил его по пояснице, сбилось дыхание от удара грудью о землю...

Решив несколько минут полежать – «Я просто устал...», – Макаров закрыл глаза и отдышался. На самом деле он терял сознание от потери крови и жажды...

– Никакой тайны, черт бы вас всех взял... – шептали его пересохшие губы. – Никаких загадок и мистификаций... Просто на дне этого чертова треугольника распадается гидрат метана... В воде образуются насыщенные метаном пузыри, в которых плотность понижена, и корабли не могут плавать... Подъемная сила падает, а еще метан останавливает двигатели... как ни странно... Корабль тонет, и все умирают... Людей на палубе и в воде метан убивает за считанные секунды...

Перевернувшись на живот, улыбнулся. Его убивают вот уже сутки. Ничего пока не получается...

– А самолеты прессует инфразвук... – Он присмотрелся: на северном холме снова появилась искрящаяся точка, но на этот раз она погасла не сразу, а спустя пять или шесть секунд. – В море при определенных условиях генерируется инфразвук... Облучись им человек, и он впадает в панику, не знает, за что схватиться, видит обычное, но придает ему оттенок мистического, катапультируется в шторм или прыгает за борт...

Бормоча это, он встал на колено, поднялся и пошел вверх по холму...

Вид открывался перед ним, как фото на мониторе компьютера – опускаясь красками сверху. Чем выше он поднимался, тем ниже опускалась картинка. И когда сумасшедший по красоте и сочности красок остров распахнул перед ним свою душу со стороны востока – до дна распахнул, без остатка, – Макаров поторопился упасть в высокую, не успевшую остыть за стремительную ночь траву...

То, что он видел, было настолько необъяснимо, что он наблюдал за происходящим, уже не делая попыток свести увиденное с логикой.

Двое мужчин в полусотне метров от него. Первый – на коленях. Второй – напротив него. В вытянутой руке он держит тяжелую «беретту».

– Ничего мистического, – лихорадочно соображал Макаров. – Левша держит на прицеле человека.

Левша...

– Левша! – хрипло крикнул Макаров, поднимаясь. Изумление его было так велико, что он развел в стороны руки и шел, не опуская их. Лоб его прочертили три глубокие морщины. Погрешил бы сейчас Левша против истины, если бы видел Макарова и сказал, что тот немного растерян.

Погрешил бы, потому как Макаров, неуверенно шагая к ним, находился едва ли не в делирии. Он даже не чувствовал боли, и жажда покинула его. Он припадал на ногу, но не замечал этого.

Он шел и видел Левшу, каким никогда его не видел. Высокий, с чистыми, аккуратно уложенными назад светлыми волосами, идеально выбритый – за десять шагов от него тонко тянуло ароматом дорогой туалетной воды. На мизинце правой, сжимающей рукоятку пистолета руки Левши хищно поблескивал алмаз в оправе.

– Левша!.. – глухо прокричал Макаров, видя, как палец на спусковом крючке пришел в движение и придавил спуск. Замедляя шаг, он остановился в нескольких шагах от невероятной картины.

Неожиданно Левша двинулся вперед и мощным ударом ноги повалил незнакомца в траву. Опустил пистолет, пошарил свободной рукой в кармане и вынул сигарету. Сунул ее в зубы. Макаров увидел зажигалку. Маленькая золотая зажигалка. Макаров сказал бы – женская, когда бы ему была необходимость описать ее.

Наклонившись с сигаретой в зубах, Левша схватил одной рукой незнакомца за шиворот и поволол к большому валуну. Бросив мужчину спиной на него, с размаху ударил дважды: слева

– кулаком, справа – рукояткой пистолета. Из носа мужчины брызнула и разлилась по белой рубашке кровь. Правый глаз его мгновенно затек и превратился в маленький резиновый мячик.

– Тебя найдут мои люди, – сплевывая кровь, сказал избитый мужчина. – Ты умрешь страшной смертью, подонок...

Макаров стоял в трех шагах от валуна и во все глаза рассматривал говорящего.

Волнистые, блестящие, ухоженные волосы избитого мужчины опускались на плечи, спадали на лоб. Тяжелая, почти квадратная челюсть двигалась вверх-вниз, и мужчина беспрестанно отплевывался, фыркая, как конь. Каждый раз после такого выдоха с губ его срывались алые брызги. Мужчина был одет в белую рубашку и белые льняные брюки. На солнце сверкнула пряжка ремня, и Макаров мгновенно запечатлел в памяти аббревиатуру: «CD»... Откровенно дорогое качество одежды в некоторой степени могло указать на высокий статус ее хозяина. На пальце его тоже был перстень – из белого золота, с большим, искусно ограненным изумрудом. Всякий раз, когда кровь из носа заливала рот, он подносил эту руку к лицу и небрежно вытирал подбородок. И на красном зеленое смотрелось, словно подчеркивая всю неприглядность обстановки, особенно вызывающе.

– Где она?..

Макаров перевел взгляд на сказавшего это Левшу. Это был вопрос, судя по интонации.

– Левша?.. – позвал его с уже нескрываемым изумлением он.

А тот присел перед своей жертвой и вонзил взгляд в его сломанную переносицу.

– Где она? Куда ты спрятал ее, мерзавец?

– Ты забрал у меня все, забрав ее. И должен был умереть. Но – нелепая случайность виной тому – ты выжил... И ты думал, я вас простил бы? – Размазав кровь по лицу, черноволосый мужчина улыбнулся. – Не сегодня, так завтра ты окажешься в земле. Просто вопрос времени, Филипп.

«Филипп?» – прошептали губы Макарова.

– Не забывай, что она была моей женой, сукин ты сын, а не твоей!

– Где Мари?!

– Что ты собрался делать, козел?! Искать ее?! А если я не скажу, ты убьешь меня?! Мститель-любовник!.. И как ты намереваешься после этого покинуть Париж, идиот?! Тебе известно, кто я?!

Размахнувшись, Левша снова ударил черноволосого по лицу. Брызги крови отлетели в сторону и врезались в брюки Макарова.

Левша поднялся, отступил на шаг и поднял пистолет.

Макаров посмотрел на мужчину. Подтянув ноги и побледнев, хотя всего секунду назад лицо его было почти свекольного от ярости цвета, тот на глазах осунулся и попыток стереть с лица кровь уже не делал.

– Ты же понимаешь, что я тебя бил до полусмерти и вез в Булонский лес не для того, чтобы в последнюю минуту простить? – пробормотал Левша.

– Сколько ты хочешь? – услышал Макаров и посмотрел на того, кто это произнес, – истекающего кровью человека.

– Что? – после затянувшейся, мучительно долгой паузы произнес Левша.

– Я спрашиваю, сколько ты хочешь, чтобы решение простить было для тебя обоснованным. Миллион евро прямо сейчас? – вытянув руку и осторожно, словно засовывал ее в нору, черноволосый мужчина сунул ее в карман и вытащил с трубкой. От крови волосы его на висках и лбу блестели и вились сильнее остальных. – Сейчас я сделаю один звонок. Ты назовешь номер счета. Туда будут перечислены деньги. Один миллион. Послушай, Филипп, она мертва... Ее не вернуть... Мы деловые люди. Я плачу тебе миллион – ни за что... А ты просто уходишь сейчас. Ты разумный человек, я знаю... Подумай хоть минуту... Я-то все равно никуда не тороплюсь...

Минута тянулась долго.

От потрясения и легкого головокружения из-за непонимания, как Левша может его сейчас не замечать, Макаров поднял руку и положил ее на голову. Он словно стоял в проходе кинозала, опоздав к началу фильма.

– Я все жду, когда ты скажешь, что пошутил.

– Я не шучу, Филипп!.. – вскинулся мужчина. Он говорил, а на губах его надувались и тут же с брызгами лопались пузырьки крови. – Миллион евро! Сейчас!..

Левша сжал челюсти. Макаров видел, как побелели костяшки сжимающих пистолет пальцев...

– Я жду признания, что ты пошутил относительно Мари...

Черноволоксий не выдержал и замотал головой, как укушенная слепнем лошадь. Замотал и всхлипнул.

– Прости, Филипп...

– Умрешь, тогда прощу... – тихо проговорил Левша. – Тебе нужно было отпустить ее. Сразу, как узнал... В общем, Дебуа, что для тебя сейчас сделать? Ты понял, о чем я.

– Дай сигарету... И принеси из машины виски...

– Что-нибудь одно, – отрезал Левша. – Не в кабаке.

– Виски. Нет, сигарету... – Увидев перед собой быстро тлеющие «Мальборо», дрогнул голосом: – Нет, Филипп, разреши виски... Подожди хоть пять минут, чтоб забрало... Пожалуйста, я прошу, Филипп...

– Наверное, она тоже тебя о чем-то просила за мгновение до того, как твои скоты...

Макаров видел, как перекосило лицо Левши.

– Она ни о чем не просила!..

Ответ заставил Левшу побледнеть.

Макаров, широко раскрыв глаза и затаив дыхание, словно оно могло прорваться сквозь могучий гул пальм, наблюдал за событиями, которые происходили на лесной поляне.

Тот, что был в крови, сидел у валуна. С ним о чем-то разговаривал другой, такой же высокий и статный...

Потом второй встал...

– Бах... – прошептал Макаров, глядя, как из головы черноволоксного вылетает пригоршня крови. – Бах... – повторил он, наблюдая за стремительно расплывающимся на белой рубашке блестящим пятном.

Он пришел в себя, когда понял, что стоит перед валуном один. Тот, что распластался на камне и раскинул руки в стороны, – уже не в счет.

Развернувшись, Макаров вбежал на пригорок. В десятке метров ниже, уходя в сторону берега, решительно шагал Левша.

Макаров догнал его, когда тот почти подходил к лесу. Ухватившись за рукав черного как смоль костюма от Бриони, он снова ощутил волшебный аромат туалетной воды.

– Левша!..

Тот обернулся, словно ждал этого. И Макаров почувствовал на своем лбу еще не остывший ствол. Перед глазами его перебирали рукоятку пистолета пальцы, и на одном из них сверкал гранями бриллиант...

Макаров поднял взгляд выше «беретты». Светлые волосы, упав на лицо, прикрыли глаза Левши как шторками.

– Как долго ты здесь находишься?

Знакомый, но такой глухой голос. Безупречная французская речь – Макаров не знал французского, но ему почему-то подумалось, что именно безупречная.

– Левша, – уже ошалев от растерянности, проговорил по-русски Макаров. – Это же я... Что здесь происходит? Кто был тот человек? Почему ты... в костюме?... Где ты его взял?

– Русский, – с разочарованием протянул тот и взял Макарова за плечо.

Хватка была жесткой. Попятившись, Макаров вспомнил о своей больной ноге.

– Какого черта делает русский здесь?

Макаров долго колебался, прежде чем ответить.

– Я хотел спросить вас, не видели ли вы здесь женщину лет тридцати, гуляющую с ребенком?

– Гуляющую с ребенком женщину в половине третьего ночи в Булонском лесу? – с подозрением повторил Левша.

– Это не ваше дело, в котором часу я гуляю с женой и детьми. Просто вы здесь единственный, кому можно задать вопрос.

Левша оставил руку Макарова в покое, внимательно посмотрел на него и коротко бросил:

– Вы хотите, чтобы я помог вам найти вашу жену?

– Нет, благодарю.

– Отчего же нет? Ведь вас это тревожит? Почему русскому не помочь русскому в чужом городе? – И он посмотрел на Макарова еще более внимательно.

Тот ответил так, как подсказывало ему его дикое состояние:

– Пошел ты на!.. – развернулся и крикнул в сторону холма, на котором дважды видел мерцание оптики, – он был уверен, что это оптика, но поговорить с собой об этом он решил потом: – Катрин!

Обернувшись и убедившись, что Левша расслабился, Макаров пробормотал, не особенно надеясь на удачу:

– Но сигарету-то у тебя стрельнуть можно?

– Не вопрос. – И тот протянул ему пачку «Мальборо».

Наблюдая за тем, как Левша спускается с холма и заходит в продолжающийся буйствовать лес, Макаров дрожащей рукой вынул из кармана зажигалку. Совместить огонек с кончиком сигареты ему посчастливилось только с четвертой попытки.

– Я схожу с ума? – произнес он, поглядывая по сторонам. – Или уже сошел и ночи в этих краях для каждого наступают индивидуально? Второе ближе к истине. – Докурив, он бросил окурок и втер его ногой в траву. Ему хотелось еще добавить что-то об увиденном только что, но тогда ответ на вопрос, сошел ли он с ума, можно было опустить. И без того было ясно, что сошел. – Дорого бы дал, чтобы понять, о чем они говорили...

Наугад выбрав направление, он двинулся в путь. Решив не думать пока о Левше и убийстве, но еще чувствуя на плече неприятное ощущение от хватки Левши, он наугад выбрал направление и отправился в путь...

В который уже раз – наугад...

* * *

Ночь наступала так, как ей и положено – не торопясь, но упрямо. Во второй раз за этот день, кажется. Черт знает что происходит, думал Левша, склоняясь к тому, что по голове его ударили крепко. А иначе может ли быть такое, чтобы трезвый человек, без признаков шизофрении, в течение восьми последних часов своими глазами видел, как стущаются сумерки. Правда, ночь первая длилась не более четверти часа. А потом снова наступило утро. Или день – кто разберет...

Кусая губы, Левша сидел меж двух деревьев и время от времени, уже наплевав на смущение, поднимался во весь рост, когда переставал чувствовать руки. Веревки, которыми они были разведены в разные стороны, удерживали его на виду у всех. Совершенно нагой, испытывая голод, он наблюдал за тем, как несколько мужчин, бродя по колена в воде, пытаются загнать в тупик меж обросших водорослями камней рыбу.

«Интересно, как они будут ее есть, сырой, что ли?»

Это была не самая главная мысль в его голове. Наступала ночь. То есть еще час, и берег будет освещаться только лунным светом. В общем, наступало не самое приятное время.

– Эй, – позвал он девушку с зелеными глазами. Ту, что предложила воды. Дождавшись, когда она приблизится, он процедил: – Милая, я хочу поговорить. Как умерли ваши друзья?

– Тебе ли не знать?

Нет, уверенности и злобы в голосе ее он не чувствовал. Скорее, обреченность и страх.

– Нам нужно поговорить, потому что в противном случае до утра доживут немногие из нас.

– Из нас? – саркастически уточнила она.

– Вот именно. – Левша почувствовал раздражение от этого спокойного голоса. – Вы здесь уже третьи сутки, подруга, так неужели вы еще не сообразили, что население этого острова сокращается только в темное время суток? Напрягите мозги! Я, как и вы, видел тех, кто сгорает от желания вас сожрать. Но скажите, как сильно я похож на них?

– Те тоже были без одежды и заросшие.

К месту разговора – двум пальмам – стали подтягиваться остальные, среди них был и Артур.

– Не слушай его, – велел он зеленоглазой. – Эти твари хитры и опасны.

– Кретин!

Артур подошел и без особой злобы врезал Левше под дых. Задохнувшись, тот опустился на землю. Не расточая слова понапрасну, остальные – их было около десятка – наблюдали за происходящим без комментариев.

– Я так понимаю, что моя причастность к «Кассандре» есть единственное условие доверия ко мне... – Стиснув зубы и глядя в глаза Артуру, он упрямо поднялся на ноги.

– Ничего похожего, – усмехнулся, потирая руку, Артур. – На той же «Кассандре» были ублюдки, оставившие нас здесь.

– Логично, – согласился Левша. – Но я все-таки попробую доказать, что пассажир...

Ничего, кроме шума накатывающих на песок волн, он не слышал. Да еще ветер изредка врвался в уши. Да за спинами стоящих перед ним кто-то переводил на английский все, что слышал. Голос был мужской.

– Ладно, – прохрипел Левша, – поскольку здесь я один напоминаю человека, то моей голове и работать. В любом случае знайте – над островом встали облака. Луны сегодня не будет. А это значит, что каждый из вас может уже сейчас готовиться к смерти. Но пока солнце еще не скрылось, я предложу вам развлечение. Игра называется «покажи на дурака пальцем»... – Прокашлявшись, Левша пошевелил пальцами рук и сказал: – На «Кассандре» две палубы. Верхняя – для пассажиров первого класса. Нижняя – для пассажиров второго. Есть здесь кто-то с верхней?

Он обвел людей взглядом. Задавленные авторитетом Артура и страхом – двух суток хватило, чтобы они равновелико старательно подчинялись и тому, и другому, – мужчины и женщины хранили молчание.

Левша опустил голову. Он уже давно назвал бы место, где была его сумка, документы и другое содержимое, но этим он мог только усугубить свое положение. Нет зацепки, за которую могло бы доверие этих людей зацепиться. Чтобы развести простака, нужна лазейка, то же необходимо и для доказательства истины. Странно, что одно и то же условие пригодно для достижения столь разных целей...

В этот момент, осознав мысль до конца, он вдруг сообразил, что доказать не сможет. То же, что видели и слышали во время путешествия эти люди, видел и слышал любой член экипажа. То есть, по мнению Артура, враг.

– Вы усложняете мне задачу...

Усмехнувшись, Артур встал перед ним и скрестил на груди руки.

– Если ты не расскажешь, что вы со своими дружками придумали для нас, этой ночью все для тебя будет плохо.

«Мне бы только освободить руку, – подумал Левша. – Одну руку. Любую».

– Ты идиот, – сыграв желваками, процедил он. – И папа твой был идиотом. И мама идиотка.

С лица Артура сошла улыбка. Шагнув, он развел руки и повернулся боком к Левше...

Левша сработал молниеносно. Никто не успел заметить удара. Согнувшись, почти переломившись пополам, Артур застонал и шагнул назад. На помощь ему бросились двое. Левша выбрал того, что был поскромнее в габаритах, и ударил его в колено. И, уже руками завалив его на песок, крепко обхватил его шею ногами.

– Стоять!.. если хотите, чтобы он остался жить...

Ошеломленная публика замерла на месте. И лишь Артур, пытаясь выпрямиться, сначала присел на песок, а потом завалился на бок. Боль была такой, что он ни секунды не находился в покое.

Плененный пассажир «Кассандры» задышался. Скрещенные на его груди ноги Левши не позволяли двигаться, а упершиеся в горло колени мешали дышать.

– Вы из тех, кто не верит людям на слово, – тоже задыхаясь, но от притока адреналина, выкрикнул Левша. – Правильно делаете, но не тот случай! Я, видите ли, гордец!.. И не могу позволить стае извращенцев издеваться над собой вечно! Терять мне нечего, а поэтому, если не отвяжете веревки от пальм, этот чудик сейчас отдаст богу душу! Ну?..

Он обвел взглядом присутствующих.

– Одно не понравившееся мне движение – и ему крышка!..

Побагровевший, с надувшимися на лбу венами, Артур проговорил:

– Отпустите его...

Трое или четверо бросились к пальмам. А Левша, усевшись поудобнее, перехватил ногами голову пленника так, чтобы тот вовсе не имел желания освободиться – черт знает, что может прийти человеку в голову, когда тот на краю могилы...

Отвязанная от пальмы веревка упала на песок, и Левша впервые за долгое время получил возможность прикоснуться к своему телу. Расчесав бок, куда его недавно укусило какое-то насекомое, он вцепился в узлы на запястье зубами. Он не сводил глаз с окруживших его людей. На песок упала вторая веревка, но срывать ее с руки Левша не спешил. Перекинув ее через шею своей жертвы, он натянул на себя и разжал ноги. Вскочил и прижал полузадушенного мужчину к себе.

– Сейчас я уйду, – предупредил он, наклоняясь и поднимая с песка отшлифованный прибором камень. Размером в два кулака, он удобно лег в его ладонь. – Уходить я буду не спеша, как подобает уважающему себя человеку. Если кто-то из вас пойдет за мной, я разобью ему голову. Я внятно объясняю?

– Внятно, – ответил Артур и ядовито улыбнулся. – Найду ведь...

– Сначала отдохни, – и Левша тоже улыбнулся. – Ты сейчас не годишься для поисков и погонь... Мы уходим...

Он шел по берегу, не углубляясь в лес. Ему хотелось видеть всех. Двести метров, триста... Когда береговая линия острова скрыла от него стоянку людей, он скинул веревку с шеи мужчины.

– Иди к своим, приятель. И скажи им, что если через полчаса они не разведут костер, они умрут. Эти твари боятся огня. Ты понял?

Человек не верил ни в свое освобождение, ни словам голого островитянина. Человек видел, как двое похожих на этого ловкача разорвали в клочья и растащили в стороны его спутников... А потом жрали, хрипя и давясь, и не стесняясь присутствия будущих своих жертв... Они тоже похожи на людей, только не говорили...

– Ты слышишь, что я сказал?

Развернувшись, мужчина сначала зашагал, а потом перешел на трусцу. Когда ему стало ясно, что подвох исключен, он припустил во весь дух.

Левша посмотрел на горизонт. У него оставалось не больше пяти минут. Кожа перестала чувствовать тепло солнца, на огненный диск можно было смотреть без опаски обжечь взгляд. Он почти утонул в океане, оставив над водой лишь маленький оранжевый холм...

Левша был без сознания, когда его волокли к месту стоянки от тех камней. Но еще несколько часов назад он оценил берег и убедился в том, что с восточной части принести его не могли – крутые валуны мешали доступу на восток. Открытой была лишь западная часть берега – именно там и опускалось солнце, унося с собой свет, тепло и надежду...

Левша мчался по песку, чувствуя легкое головокружение. Он не ел больше суток, был бит, и сейчас все это вместе не способствовало легкости передвижения.

Но когда он увидел знакомые камни, сердце его забило от радости.

Смеясь, он вытаскивал из расщелины между ними свою одежду и сумку...

– Сходил в баньку... – бормотал он, надевая трусы и брюки.

Упав перед сумкой на колени, он вжикнул «молнией» и сунул туда рубашку. С досадой посмотрел на лес и, глотая стекающий ему в рот по губе пот, выхватил из сумки автомат и проверил магазины. Четыре штуки, тяжелые. Они заставили его успокоиться.

До заката солнца оставались одна или две минуты.

Он разорвал рубашку так, чтобы разделить ее на две приблизительно равные части. Он работал и почти каждые десять секунд поднимал глаза, упирав взгляд в темнеющий лес. Когда первый факел вспыхнул и в нос ему ударил неприятный запах паленого хлопка, Левша отправился в обратный путь.

Он бежал и думал, насколько быстро он бежит. Ему хотелось бежать *туда* быстрее, чем он бежал *оттуда*. Казалось ему, что это шанс быть хоть частью прощенным за прошлое. Когда догорел первый факел, он перешел на шаг и прижал к нему, догорающему, второй.

Он бежал, окруженный кругом света. На остров опустилась ночь, когда он увидел людей. Сбившись в стадо и прижавшись друг к другу, вооруженные палками, они стояли лицом к лесу и от баранов отличались только тем, что некоторые из них готовы были сопротивляться.

Видимо, было кому...

Кустарник, обрамляющий кромку джунглей, шевелился.

Левшу заметили не сразу. Лишь когда сбитое от рваного бега дыхание его послышалось на пригорке, Артур и несколько мужчин развернулись к нему, играя палками.

– Разожгите костер!.. – крикнул Левша, держа автомат в опущенной руке и протягивая факел в сторону людей. Глаза его смотрели на Артура, на скулах двигались желваки. – Разожгите костер, иначе вам конец...

Поставив предохранитель для стрельбы одиночными выстрелами, он обошел толпу и встал между ними и лесом.

В брюках, с атлетическим торсом и длинными светлыми волосами, он выглядел впечатляюще. Повернув голову, он поймал застывший зеленоглазый взгляд и подмигнул. Взгляд тот ожил...

Факел догорал. Две женщины суетливо бежали по песку, металась под пальмами – на том месте, где весь день провел Левша, и собирали сучья, сухие пальмовые листья – все, что могло гореть.

– Отойдите в сторону, дайте свету разойтись до леса! – приказал он. – Пусть свет тронет их...

Из джунглей появился человек. Человек ли?.. За ним – второй. И потом – третий. Пассажиры «Кассандры» двинулись назад...

Наклоняясь вперед и передвигаясь уже знакомой Левше манерой – иноходью, трое тварей спешили сократить разделяющее их и людей расстояние в пятьдесят метров.

Кто-то из женщин за спиной Левши тихо и быстро заплакал. Второй голос, тоже женский, зашептал молитву на английском языке. Следом – грязные ругательства, тоже на английском, и казалось Левше, что куда приятней слышать эти обреченные женские всхлипы, чем громкое, истеричное мужское ругательство.

Подняв автомат, он от бедра, не целясь, выстрелил. Пять или шесть метров разделяло их. Пуля угодила твари в лоб, голову запрокинуло, и черная, блестящая в свете разгорающегося костра кровь взлетела и растворилась во тьме. Тварь согнула ноги и рухнула на спину. Не успела песчаная пыль после ее падения осесть, как Левша нажал на спуск во второй раз. И тут же выстрелил в третий. Двое, бессвязно крича и рыча, прекратили свой бег. Одна тварь упала и в агонии засучила ногами. Она рыла песок так быстро и мощно, что сползала в создаваемую ею же самой яму. Вторая тварь, хватая здоровой рукой раздробленную кисть второй, скалилась и обнажала коричневые, неровные зубы... Под истеричный крик за своей спиной Левша двинулся на тварь и, когда до этого кисло пахнувшего существа оставалось не больше двух метров, поднял автомат на вытянутую руку.

Раздался четвертый выстрел.

И потом – пятый. Что-то внутри Левши соскочило с задвижки, и он испытал непреодолимое желание опустить ствол и разрезать умирающую тварь очередь...

– Нам нужно много веток, – хрипло проговорил он, разворачиваясь к лесу спиной. Он не боялся это сделать. Свет расстилался под его ногами и почти добрался до опушки леса. – Костер должен гореть всю ночь.

Щелкнул предохранитель. Автомат повис на его плече.

Он шел мимо ошеломленных пассажиров третьего катера «Кассандры» к тому месту, где мог отдохнуть. Привалившись спиной к одной из пальм, он закрыл глаза. И не открыл их, когда услышал шаги.

– Ты пришел сказать, что поумнел?

Артур встал перед ним, расставив ноги, и потрянул головой.

– Откуда у тебя автомат?

– А почему у тебя нет автомата? – Левша приоткрыл глаза и сплюнул в сторону. – А если по делу, то мы переночуем здесь, а утром, как только рассветет, тронемся в путь.

– Я скажу, что нужно будет делать, когда рассветет, – проговорил сквозь зубы Артур.

– Ты можешь делать, когда рассветет, все, что захочется, хоть песни петь, но я заберу людей и поведу к своим. А сейчас отойди, ты мне загораживаешь тепло костра...

* * *

Взойдя на холм, Макаров остановился. Он поднимался так уже четыре раза. И каждый раз ему казалось, что, поднявшись, он увидит что-то, что составит смысл его похода. Но, поднимаясь, он убеждался в том, что перед ним очередной, блистающий изумрудной травой холм. Из головы у него не выходила случившаяся три часа назад история, он испытывал легкий шок, и это ощущение притупляла усталость. Он шел и не мог не думать ни о чем другом, кроме как о своей проблеме. Она пришла неожиданно, и были тому, верно, причины. Сначала кома, потом несколько суток без сна, постоянные переживания за Питера, голод, жажда, усталость... Когда-то он должен был сломаться. Но Макарову сейчас почему-то казалось, что с ним на фоне всего перечисленного могло случиться что угодно – хоть смерть, – но только не помешательство. Когда человек трогается умом, думалось ему, он видит что-то неясное, не требующее ответа, что-то, что объяснимо как дурь. Как ирреальное восприятие действительности. Например, очень бы удивился сейчас Макаров, когда бы поднялся на холм и увидел с его высоты

уютное летнее кафе со скучающим хозяином внутри. Или небоскреб. Вот это было бы форменное сумасшествие. Просто мозги сдвинулись – и видишь то, чего нет. А хочешь потрогать рукой – оно удаляется. И в этом случае Макаров был бы спокоен. Он бы знал, что перегрелся, и предпринял все усилия, чтобы прийти в себя. Почитал бы мысленно «гарики» Губермана, воды попил, искупался. На худой конец просто бы полежал. Но что делать, если ты стоишь рядом с двумя людьми, один из которых убивает другого, а ни тот, ни другой тебя не видят? Не из принципа, а просто не видят. И это тоже можно было списать на переутомление – и не такое бывало. Однажды Макарову на подлodge почудилось, что он дома, на диване, – но лоб до сих пор болит от тычка пистолета – вот в чем дело. Так что лучше уж небоскреб или кафе было увидеть, чем Левшу в костюме, пахнущего дорогим парфюмом...

С этими мыслями Макаров и взошел на холм.

И от того, что увидел в долине, настроение его окончательно испортилось.

Рассмотрев расстилающийся перед ним пейзаж во всех подробностях, он повернулся к нему спиной, сел на траву и, рванув ее обеими руками, бросил зеленые клочки между ног.

– Атомный авианосец класса «Нимиц»... – бормотали его губы. – Водоизмещение – семьдесят пять тысяч тонн, длина – триста тридцать три метра... Шестнадцать тысяч квадратных метров суверенной территории США в любой точке планеты... Десять штук, считая этот и спущенный на воду в прошлом году «Джордж Буш». В общем, лучше бы было кафе.

Он сидел на холме, и ему не хотелось разворачиваться. Он знал, что повернется, и авианосца не будет. Зато это будет уже второй раз за три часа, когда у него срывает крышу.

Но идти все-таки было нужно, и он поднялся.

Авианосец стоял посреди долины как вкопанный. И даже в этом сомнений не было – он действительно выглядел вкопанным. Ибо Макаров не мог найти и одной причины, которая обосновала бы заход атомного авианосца с океана на сушу.

– Стоит, сука...

Сокрушенно прошептав это, он сделал первый шаг с холма.

– Но тогда пусть мне кто-нибудь объяснит, кто и как его поднял и сюда поставил.

С этим он сделал шаг второй...

Сил у него уже не было. Он смотрел на авианосец, рассчитывая расстояние до него. Километр. Не меньше. Половина морской мили... или – пять кабельтовых...

Глава вторая

– Донован! Донован! Проснитесь, черт вас побери!

Гоша стоял над доктором и тряс его за плечо. Ночью, после безуспешных попыток сориентироваться на судне, они решили остаться там, где заблудились. Избавившись от тварей и осмотревшись, доктор с геологом пробрались с «острова» – взлетной палубы до построек управления авианосцем на правом борту. Засыпать под открытым небом над головами существ, о внешнем виде которых они не имели представления, им не хотелось. Хотелось под замок. С этой мыслью они, не стовариваясь, и направились к правому борту. Проникнув внутрь через тяжелую дверь, они около получаса в кромешной темноте поднимались по лестницам, спускались, ходили по каким-то коридорам и каждую минуту рисковали либо разбить себе головы, либо сломать ноги. Донован уже дважды падал, у Гоши болело плечо. В конце концов они вошли в какое-то помещение и, потыкавшись в стены руками, решили остаться. Тем более что у помещения была всего одна дверь, которую можно было запереть.

Гоша проснулся первым.

«Ночь, видимо, продолжается», – подумал он, понимая, что проснулся от жажды. Он осмотрелся. Было по-прежнему темно, и лишь стон Донована убедил его в том, что он не один.

В помещении было нестерпимо жарко. словно кто-то раздул под его стальным полом мартен. Поднявшись, он некоторое время ходил, ощупывая стены. Его интересовала дверь. Вчера она была. Наткнувшись рукой на задвижку, отпирающую дверь, он выкрутил ее влево, и дверь издала слабый щелчок. И тут же качнулась в сторону Гоши. В щель тотчас проник слабый, растворившийся в темноте других помещений, сизый свет. Он потянул ручку на себя. Луч превратился в широкую полосу, и она разрежала пол помещения на две части, осветив лежащего Донована.

Вид доктора Гоше не понравился. Донован был бледен, и лицо его блестело от пота.

– Донован! Донован! Проснитесь, черт вас побери!

– Я не сплю, Джордж... – пробормотал тот. – У меня горит нога. Если в течение часа мы не найдем здесь хотя бы стрептоцида, мне придется туго, дружище...

Идти он не мог. Ввалив англичанина на спину, Гоша поволок его наверх. Сейчас было проще – дорогу подсказывал свет. Идти нужно туда, где его больше и где он ярче.

– Ума не приложу, как можно было вчера сюда забраться?

– А где мы находимся?

– В трюме, полагаю... Если у авианосцев бывает трюм...

Маленькая, с него ростом, дверь преградила им дорогу. Он был вынужден к ней спуститься, когда стало ясно, что наверх по лестнице не попасть – дверь задраена. Гоша тащил доктора и с немалым удивлением пытался представить маршрут, каким вчера шли. Как бы то ни было, в эту дверь они не заходили.

Доктор встал на ноги и, чтобы не упасть, схватился за плечи геолога. А тот, вцепившись в задвижку, повернул ее в сторону. Странно, но все вращалось и двигалось без особых усилий и скрежета. Между тем вчера он заметил, что авианосец порядком поржавел снаружи.

Дверь, как и первая, отъехала от косяка. Оставалось только сдвинуть ее в сторону. Не глядя внутрь, Гоша почувствовал запах машинного масла. Шагнув через порог, он оступился, и подошва, соскользнув с выступа, ударила по полу. По помещению прокатилось странное долгое эхо.

Подсев под Донована, он снова ввалил его на себя и, сделав шаг, услышал:

– Ущипните меня, Джордж... и поскорее... А лучше врежьте пощечину... Ибо отказываюсь я доверять глазам своим...

Соображая, с чем может быть связана такая просьба, Гоша остановился, выпрямился и осмотрелся...

До вчерашнего дня он сомневался, что выражение «не доверять своим глазам» жизнеспособно. Можно не доверять чему угодно – женщине, суду, пьяному другу, собаке, машущей хвостом. Но за последние шесть или восемь часов он уже дважды отказывался верить своим глазам. Впервые он засомневался в их дееспособности, когда увидел посреди равнины авианосец. И сейчас, когда он как следует рассмотрел ангар площадью не менее трех тысяч квадратных метров, он не поверил глазам во второй раз.

– Что это? – сказал он, осознавая, что вопрос не из каверзных.

– Самолеты, насколько позволяет мне судить медицинское образование.

Стряхнув Донована с плеч, как мешок, Гоша направился к ближайшей из машин.

Взявшись за крыло, качнул. Крыло подалось, но не оторвалось. С оглушительным скрежетом он подтянул к кабине одного из них стоящую у стены лестницу-треугольник и поднялся. Фонарь был закрыт, но он без труда сдвинул его в сторону. Забрался в кабину и осторожно потрогал штурвал. Потом взялся за него и повернул сначала вправо, потом влево.

– Крылья шевелятся, что вы делаете, Джордж? – встревожился доктор.

Из этого следовало, что самолет – настоящий. А это, в свою очередь, указывало на то, что в огромном ангаре перед ним – он хорошо их видел отсюда, с места пилота – четыре самолета. Настоящих. Он – в пятом.

Перебравшись с места пилота в задний отсек самолета, Гоша увидел еще несколько рабочих мест. Рядом с одним из них виднелись рычаги. Взявшись за один из них, он, не раздумывая, потянул на себя.

Когда от днища самолета отделилось что-то цилиндрической формы и стукнуло о металлический пол, в ушах доктора появилась такая резь, что он присел. И боль от рваной раны на ноге тут же пронзила все его тело.

– Что вы там делаете?! Здесь что-то отвалилось!

Гоша показался из кабины. Лицо его светилось от радости, когда он крикнул:

– Это самолеты, док!

– Разве не я вам об этом сказал? Спускайтесь, геймер.

Спрыгнув, он направился к предмету, на который показывал доктор. Им оказался цилиндр серо-зеленого цвета с округлым концом и мощным винтом внутри цилиндрической формы стабилизатора. На головке конуса имелась полоска желтого цвета шириной в три дюйма, на корпусе надпись, тоже желтым: VLU – и, далее, еще буквы, и еще цифры...

– Что это? – спросил, тыча пальцем, Донован.

– Это... – Гоша чесал затылок, испытывая непреодолимое желание уйти отсюда как можно дальше. – Это кондиционер.

– Кондиционер?

– Да, иногда пилоту в кабине бывает жарко, и он включает его... для доступа свежего воздуха... Ну, летчик летит, захотелось свежим воздухом подышать, он открывает заслонку и дышит... ветер лицо обдувает... Короче, пойдёмте, мы здесь уже все посмотрели.

Закинув доктора на плечи, он пошел к двери.

– Какой большой кондиционер, – бормотал тот, поглядывая на самолет через спину Гоши. – А что же он отвалился тогда? Плохо прикрутили?

Тот под ним поморщился.

– Понимаете, там датчик установлен. Когда пилот садится в кабину, компьютер тут же начинает соображать, и, если за бортом прохладно, он отстегивает кондиционер перед полетом. Лишний груз...

– А что это за надпись желтым посередине: TNT?

– Да откуда я знаю, я что, летчик?!

Они вторые сутки ничего не ели. Гоша волок доктора наверх, стараясь не обращать внимания на фиолетовые, расползающиеся в стороны и снова появляющиеся круги перед глазами. Через десять минут он откинул в сторону дверь и вынес Донована на свежий воздух...

Это была та самая палуба, откуда они начинали свое путешествие по авианосцу. Но вышли они с другой стороны и теперь растерянно осматривались, пытаясь сообразить, где та гора, курс на которую они держали.

– Послушайте, Джордж, – обратился к Гоше Донован. По лицу его пробежала судорога боли. – Как вы думаете, в самолетах есть аптечки?

– Да. И домкраты с огнетушителями.

– Скорее всего, вы не представляете серьезности ситуации. Дай бог, чтобы у меня было просто воспаление, а не заражение крови... Мне почему-то кажется, что те твари представления не имеют о «Колгейте»...

Гоша засуетился.

– Я посмотрю.

Дорогу обратно он запомнил.

Донован приподнялся и почувствовал легкое головокружение. Посмотрев на палубу, которая уже парила и расплывалась перед глазами, он выставил руку вперед и направился в тень – к западной стороне палубной пристройки на правом борту. Заползшее на четверть высоты неба солнце било жаром в пристройку с востока, и до середины палубы расстилалась густая тень. Туда-то, напрягшись, и отправился доктор. Но зайдя за угол и едва не натолкнувшись на лестницу, он остановился как вкопанный.

Понимая, что начинается страшное, он закрыл глаза и провел по ним ладонью.

Галлюцинации имеют цикличность, но исчезают, либо меняют формы после прихода в чувство. Галлюцинации – не шизофрения. Поэтому тот, кого он сейчас видел, должен исчезнуть и больше не появиться. Сжав веки и покраснев от напряжения, Донован решил освежить свою память, чтобы отторгнуть криз. Экскурс он решил начать с самого простого – резекции желудка. «Выделяем желудок в непосредственной близости от его стенок из фиксирующих анатомических образований и отсекаем от двенадцатиперстной кишки... – бормотал про себя Донован. – Прошиваем наглухо... Отсекаем две трети, часть образовавшегося отверстия ушиваем, а оставшийся просвет сшиваем с тонкой кишкой...»

Убедившись, что в состоянии мыслить, Донован убрал руку и открыл глаза.

Макаров не исчез. Подложив под голову вытянутую руку, он спал на левом боку лицом к стенке палубной пристройки.

Доктор беспомощно оглянулся. Ну, где же Джордж?..

Глава третья

В этой части острова костер горел впервые. Сидя у пальмы и посматривая на его языки прищуренным взглядом, Левша ждал утра. Странное дело, ему не хотелось спать. Изредка он отводил взгляд в сторону, чтобы посмотреть на девчонку с мелированными волосами. Она сидела на горизонтально расположенном стволе пальмы. Дерево росло не вверх, оно уходило в океан, и только крона торчала вверх – смешно торчала, словно соблюдая правила приличия поведения деревьев. Ладно, ствол... Но крона-то должна торчать вертикально! Час назад девушка забралась на этот ствол и теперь находилась над водой метрах в семи от берега. Чтобы добраться до нее, нужно было либо зайти по грудь в воду, либо пройти то же расстояние по стволу. Изредка Левша чувствовал, что она смотрит на него, и тогда он улыбался. «Странное дело, – пришло ему в голову минуту назад, – чтобы в тебе узнали человека, иногда бывает достаточно кого-нибудь убить».

Любая мысль его появлялась и тут же, встревоженная внешними помехами, растворялась в ночи. В лесу слышались свисты, стук – словно дятел колотил по стволу, но на берег никто не выходил. Свет словно оттеснял все намерения, исходящие от джунглей. Напуганные двумя сутками пребывания на острове, пассажиры третьего катера жались к огню и водили вокруг себя взглядами, очень напоминающими взгляды бродячих, вечно битых собак. Левша знал, чего они ждут – появления тех, кто уже расправился с двумя из них...

Как это часто бывает в минуты изоляции от цивилизации, он испытывал непреодолимое желание увидеть «своих» – Дженни, Питера, чудаковатого Франческо и даже Гламура. Они стали ему «своими» за двое суток. Этим он знает почти сутки, но они отчего-то своими не становятся. Этот тридцатипятилетний поц с полным ревизии взглядом со странным прозвищем Лис – он и впрямь был похож на Лиса. Глазки его бегали понизу, не поднимаясь, но он все видел и, Левше казалось, ими даже все слышал. Хамоватый Артур – без комментариев... Посему, думал Левша, главное в определении своих и посторонних – это первый контакт. Все здесь, на берегу, очень хотят остаться людьми. И не замечают, что ведут себя как животные. Человек из другого прайда при стечении определенных обстоятельств – уже не свой, он – чужак. И в этой логике просматривается что-то, очень похожее на взаимоотношения стай.

Вчера Макаров спросил, не чувствует ли Левша какого греха за собой. Вины, искупить которую невозможно. За которую можно только быть наказанным. Очень странный вопрос. Макаров что-то знает или о чем-то догадывается...

Левша окинул взглядом сидящую на стволе девушку. Она смотрела на него. Боже, как она похожа на Мари... Тот же пристальный взгляд, роскошные волосы – те же, идеально вычерченные рукой господина губы со слегка приподнятыми уголками, придающие ей смешливый вид...

Он с трудом оторвал от девушки взгляд.

Проволока...

Какая проволока? Что имел в виду Макаров? Быть может, это не проволока вовсе, просто в какой-то момент она Макарову привиделась?

«Но тогда нужно признать, что и мне привиделось кое-что, – подумал он. – Блик оптики на скале. Он был, и отмахнуться от этого факта нельзя. А мог ли это быть луч света, отраженный от расколовшегося и отполированного ветром гранита?..»

Левша почувствовал, как нарастает головная боль. Одни вопросы...

Он ощутил жгучее, давно не приходившее к нему желание причинить другому боль. Сейчас это чувство было направлено почему-то в сторону помощника капитана «Кассандры». Фраер просто не представляет, что его ждет, когда корабль за ними вернется. Потом настанет очередь капитана-призрака, потом представителя турфирмы. Негра-бармена, штурмана, боц-

мана... Приятно вот так сидеть, привалившись спиной к дереву, и мечтать о том, как вся эта свора будет корчиться и просить Левшу остановиться...

Он не был жестоким человеком. Левша не любил кровь. И не было еще случая, чтобы он не тянул во время разговора время до неприличия, желая избежать физического контакта. Но когда все средства были исчерпаны, с решением он не задерживался.

Девушка осторожно, чтобы не соскользнуть, поднялась и выпрямилась. Сейчас она очень была похожа на девочку, стоящую на шаре – та же неуверенная разводка рук, чуть согнутые в коленях ноги... Левша видел эту картину или в музее, или по телевизору. Мари любила смотреть и то, и другое...

Он не хотел, чтобы она направилась к нему, ступив на берег. Но вышло именно так, как он не хотел.

Медленно переступая, словно не имея цели, она прошла тридцать метров, что их разделяли, и опустилась на песок в трех шагах от Левши.

– Я пришла извиниться.

Это было единственное, чем она не напоминала ему Мари – голос. Чуть грубоватый, он хотя и не портил общего впечатления, но голос Мари все-таки был приятнее. Не потому ли, что она говорила на французском, а эта девушка – на русском?

– Как вас зовут? – не дождавшись ответа, спросила она.

– Левша.

– Левша? Это прозвище такое? Чудно. Хорошо, я буду называть вас Левшой.

– Откуда вы?

Девушка обрадовалась. Он ей ответил. И это было первый раз, когда в голосе этого человека не слышалось сарказма.

– Из центра России.

– Что это значит? – Левша открыл глаза и повернул к девушке голову.

– Я живу в Новосибирске. Там, в географическом центре России, установлена часовня. Изредка, когда бывает время, я захожу в нее и чувствую себя центром страны. Это ощущение особенно приятно, когда в часовне я одна. Это означает, что центр страны – это я.

– Видимо, это должно придавать силы.

– Несомненно. Сейчас мне очень хотелось бы их найти. Меня зовут Катей.

Не открывая глаз и не поворачивая головы, Левша освободил руку от автомата и протянул ей ладонь. И дрогнул, когда почувствовал в ней Катины пальцы. Горячие, они заставили его открыть глаза. Эту волну тепла, накатывающую на него и оглушающую, он не чувствовал уже больше месяца. Ему показалось, что к нему прикоснулась Мари...

Москва, июль 2009-го...

Поднявшись на крышу, он сбросил с плеча моток веревки. Солнце стояло в зените, освещая Левшу, как лампа освещает засохшую крошку хлеба на столе. Поморщившись, он повел плечами. Майка с трудом отлипла от тела. Смотреть с вновь построенного «Дома Мазинга» на Москву – одно удовольствие. Никаких побочных эффектов. Ничего не видно, все вокруг заставлено, как в квартире антиквара. Другое дело – любоваться видами с «Кутузова»: огромная, бесконечная Москва, заставленная, как фишки домино перед началом развала общей композиции. Здесь же Левша понимал себя прыщом на колене. Наклонившись, он посмотрел вниз. Кажется, никто его семиминутным восхождением не заинтересовался. А если и был он замечен из окон стоящих рядом с гордостью нуворишей строений, вряд ли кто позвонил куда следует. Воры по стенам средь бела дня не лезят.

На голове его по-прежнему была каска, которую он и снял с удовольствием. Волосы средней длины тотчас упали на лоб и прилипли, выдавая в Левше человека, внимательно относя-

щегося к собственной внешности. Слишком роскошная прическа для обычного домушника. Проведя ладонями, он завел волосы назад.

Впервые в жизни он не чувствовал удовлетворения от восхождения. Год назад Левша забрался на «Бурж Аль Араб», после чего тридцать суток отсидел в тюрьме и был интернирован на родину без права возвращения в Эмираты под честное слово консула. Полгода назад взобрался на «Си-Эн Тауэр» в Торонто. Левша отсидел в тюрьмах двадцати двух стран, и самой отвратительной ему показалась крытка в Таиланде. Роящиеся в камерах педерасты почти убедили его в том, что кого бы гонконгские власти ни завели за решетку, он непременно окажется гомосексуалистом. Кто-то предлагал свою задницу, кто-то интересовался его задницей – все разговоры и события в тюрьме сводились именно к этому. И Левша уже не раз подумал о том, что с равным успехом, но с более благоприятными последствиями он мог штурмовать не «Байок Скай Отель» в Бангкоке, а Международный финансовый центр в Гонконге в четыреста метров. Высота та же, даже, пожалуй, чуть выше, да тюрьмы там – что дома отдыха в России.

За пять последних лет Левша взобрался тридцать один раз по вертикальной плоскости общей высотой в девять километров триста метров, и отсидел за это в общем три года. Сейчас он стоял на крыше разваленного правительством и отстроенного олигархами бывшего «Дома Шталмейстера» в Малом Знаменском и на высоте тридцати пяти метров рисковал схлопотать лет десять.

«Пора убираться отсюда, пока действительно не позвонили», – подумал он и присел под круглым окном на крыше. Резко проведя по стеклу стеклорезом, он ударил локтем, и стекло с глухим хрустом ввалилось внутрь чердачного помещения. Забравшись в него, Левша пробрался к люку и вынул баллон с газовой смесью. Через несколько минут люк накалился и сдался. Левша зацепил крючком вырезанный автогенном кусок металла и дернул на себя. Позволив остыть, опустил. Замок вместе с петлями послушно опустился, и он поднял люк.

Его интересовала квартира «пять». Сигнализация отсутствует. На пульте охраны квартиры сдает только голытьба. Люди уважаемые держат на входе консьержей, больше похожих на клонов профессора Валюева. А потому подниматься на семиэтажку Левша решил внаглую, среди бела дня.

Веревка понадобилась дважды. Чтобы бросать кошку на перила третьего и шестого этажей, пришлось дожидаться дня, когда бы хозяева той и другой квартиры одновременно не находились дома. Этот день выпал на сегодня.

Мягко ступая, Левша спустился до пятой квартиры.

Бронированная дверь с итальянским замком «Чиза». Маразм чистой воды. Это как если вешать замок для почтового ящика на дверь лишенного сигнализации «Кайена». Поиграв несколько минут отмычками, Левша открыл дверь и быстро зашел в квартиру.

Через минуту был в спальне, едва найдя ее в чередке лабиринтов.

Снять со стены картину Шилова с хозяйкой анфас – раз. Поставить картину на пол – два.

Набрать код на панели: «fackyou»...

Дзынь...

Ну, пятьдесят тысяч евро купюрами, новенькими, хоть брейся – сам бог велел...

А вот то, что нужно.

Сияющий странным, неметаллическим светом, но очень похожий на металлический тубус. До удивления напоминает он уменьшенный в несколько раз макет футляра для чертежей советского инженера. И тоже – с кодом.

Набрать: «fackme»...

Щелк...

Две половинки слегка разъехались в стороны...

«Я опережаю события», – подумал Левша, видя, что половинки в стороны не разъехались. Напротив, на тубусе загорелось: «Осталось две попытки».

Сев на пол и опершись спиной о стену, он вынул из кармана джинсов телефон.

– Алло? – услышал он через мгновение. Женщина говорила по-французски.

– Где ты? – ответил и он на французском.

– Я в самолете...

– Ничего не бойся. Пока контейнер у меня, тебе ничего не грозит. Звони каждые полчаса, поняла? Как только самолет опустится в Гаване, позвони еще раз.

– Да, конечно, милый... Но я... боюсь...

– Я знаю, Мари, – голос Левши помягчел. – Потерпи, любимая, прошу тебя.

Отключив связь, он вынул из другого кармана вторую трубку. Повторил ранее набранный на ней номер.

– Говорите, – приказал абонент. Тоже – по-французски.

– Я заберусь в этот дом завтра.

На языке Дюма Левша говорил, словно был коренным парижанином.

– Хорошо. Если в сейфе не окажется контейнера, сразу уходите. Но если он там окажется, а вы исчезнете, ей придется туго.

– Вы это уже говорили.

– Человеку, который с достойным лучшим применением упрямством забирается на небоскребы, напоминание не помешает. Я, например, понятия не имею, что может быть в голове такого человека.

– Однако выбрали меня, – напомнил Левша.

– Обстоятельства складывались благоприятно для меня и неблагоприятно для вас. А это лучший способ заручиться постоянством человека. У вас все?

– Нет, не все, – Левша почесал мизинцем руки, которой держал трубку, нос. – Я вам говорил, что вы сука?

– Да.

– Тогда – все. – И Левша сунул трубку в карман.

Пора убираться.

Уложив контейнер в маленький рюкзачок за спиной, в котором при восхождениях держал нужные мелочи, он туда же бросил и банковскую упаковку купюр по пятьсот евро.

Через три минуты он был на крыше, а еще через десять шел по Малому Знаменскому переулку, жуя жвачку и посматривая на солнце. На Волхонке он купил пачку сигарет «Лаки Страйк» и с удовольствием закурил.

Было жарко. Он повел плечами – майка с трудом отлепилась от тела. Левша сел за руль «Мерседеса», отключил кондиционер, чтобы не быть награжденным незаслуженной простудой, и опустил стекло. Ровно настолько, чтобы были видны лишь его черные очки. И поехал в сторону Гоголевского бульвара.

* * *

– Левша, я хочу вас спросить... Думаю, этот вопрос всех мучит... Кто они?

Катя посмотрела удивленно, даже наклонив голову, чтобы было лучше видно его лицо.

– Я не знаю, кто они, – тихо проговорил он. Подождал и добавил: – Среди нас, в нескольких километрах отсюда, есть военный моряк. Он может вычислить свое местонахождение на земном шаре, открыв один глаз и глянув на кончик своего носа. Так вот он понятия не имеет, где мы находимся, а ты меня спрашиваешь, кто «они». У нас тоже умер один человек. Но не от рук этих тварей. – Он повернулся к ней и стал рассматривать губы. – Мне почему-то кажется, что я ответил на все вопросы.

– Нет, не на все. Один остался... Почему ты вернулся?

– Потому что я человек.

– Я попросила у тебя прощения, – напомнила она.

– Это значит, что ты тоже – человек.

– Почему ты улыбаешься, Левша?

– Днем, когда ты протянула мне воду, я хотел сказать: «Ты ангел. Посадить бы тебя на елку».

Некоторое время она смотрела на него, не моргая, а потом рассмеялась.

Левша машинально среагировал на движение и повернул голову в сторону костра. На них исподлобья смотрел Артур.

– Он волочит за тобой?

– Ты говоришь ерунду, – ответила Катя и слегка покраснела. – Лучше расскажи, чем ты занимаешься в свободное от стрельбы из автомата время?

– Ты посмотри, – Левша едко усмехнулся, – никому не дает покоя мой автомат! Я купил его у кубинца за пятьдесят баксов перед отплытием. Еще пятьдесят заплатил кубинскому пограничнику, чтобы тот его не заметил. Таким образом, цена ваших жизней – сто долларов. Считаешь, я переплатил?

– Думаю, нет. А еще я спросила тебя о твоей профессии, но этого ты, как и кубинский пограничник, почему-то не заметил. Ты притворился слабослышащим.

– Вообще-то я превратился в слабоумного, но разве тебя проведешь, – Левша поправил на коленях автомат и почесал нос. Длинные волосы его упали на лицо. Он окончательно оставил оружие в покое и завел их назад обеими руками.

Скорее машинально, чем следуя логике, девушка сунула руку в карман шортов и вынула резинку. Левша посмотрел на ладонь, на которой резинка лежала, и с признательностью кивнул. Через мгновение на его затылке красовался короткий хвостик.

– Я верхолаз.

– Не поняла.

– Альпинист – так понятнее?

– И это позволяет тебе удовлетворять все твои желания?

– Ты о зарплате? Мне хватает.

Катя потерла лоб:

– Подожди-ка... Год назад я была в Канаде... Там арестовывали какого-то русского, который забрался на самую высокую телевышку в мире...

– Ты была в Торонто? Ну, если дело было двадцать пятого июня, значит, ты слышала обо мне. Тюрьма в Канаде – это трехзвездочный отель в Москве.

– Точно! Двадцать пятого! А тридцатого я развелась.

– Сочувствую, – проскрипел Левша.

– Правда? А меня все, наоборот, поздравляли.

Он задержал взгляд на ней.

– У тебя красивые сережки.

– Обычно мужчины мне говорят, что красивы у меня губы, глаза – глубоки, что в них утонуть хочется, задницу мою они ласково называют попой и горят от желания к ней прикоснуться. Но тебе понравились почему-то сережки. А чем они красивы, Левша? Два тонких больших золотых кольца, чем могут поразить воображение мужчины?

– Катя, если женщину... ударить, можно погнуть сережку?

Она водила языком по своим безупречным зубам, не открывая рта.

– Если бы ты имел способность читать мои мысли, ты увидел бы мое желание отсесть от тебя подальше. Станные вопросы на странном острове. Спасший мне жизнь мужчина сидит напротив меня, полуобнаженной, и размышляет, что станет с моими серьгами, если врезать мне по уху. Ты незаменимый собеседник в ночном клубе.

– Так все-таки?

– Можно, Левша, можно. Если твой палец во время удара приложится к серьге, она погнется. Или сломается застежка. И тогда кольцо перестанет быть кольцом. И мне придется постоянно вертеть его в мочке таким образом, чтобы она не вывалилась из уха.

Она сделала попытку подняться, но он удержал ее за руку.

– Мой вопрос касался другого, не тебя, конечно. Хотя он немного странноват, согласен, – Левша посмотрел в сторону напрягшегося Артура. – Я же говорил – он в тебя влюблен. Встать и набить мне морду ему мешает только мой автомат. Знаешь, когда на твоих глазах расстреливают живых существ, желание побить стрелка немного притупляется... Так, значит, чтобы держать сломанную серьгу под контролем, тебе пришлось бы постоянно вертеть ее?

– Мы или сменим тему, или я пойду к Артуру.

– Разве я тебя держу? – Левша саркастически улыбался. – Кстати, рядом с ним, как Табаки возле Шер-Хана, отирается некто Лис. Он тоже глаз с тебя не сводит. Ты это знаешь?

Ни слова больше не говоря, Катя поднялась и направилась к костру.

Бриз шевелил подвижные части деревьев. Ветки, что потоньше, покачивались и издавали скрип. Где-то глубоко в лесу продолжали свой концерт лягушки. На берегу пахло йодом. Левша встал, отряхнул брюки и направился к лесу. Когда до него оставалось чуть меньше двадцати шагов, запах йода притупился, уступая место чуть горьковатому аромату сочной зелени.

Левша подошел к стене джунглей с опущенным на вытянутой руке автоматом. Тень его – длинная, тонкая, уродливая – тянулась до деревьев по песку, а достигнув стволов, поднималась вертикально, изгибаясь в коленях.

Он поднимал взгляд, чтобы увидеть, как выглядит его голова. Тень шеи – вытянутая, как у гусака, уходила вверх. Увидеть свою голову бывает не так-то просто даже на тени. Левша почти задрал подбородок, чтобы убедиться, что не бесконечен.

И в этот момент увидел ее.

Тонкая, толщиной со спичку проволока сверкнула в верхушках деревьев.

Затаив дыхание, Левша смотрел на нее и слушал биение сердца.

«Макаров... Он видел ее...»

– Эй! – донеслось сзади – испуганно, нервно.

Левша оглянулся всего на мгновение. Кричал тот, кто совсем недавно ходил у него в заложниках. А сейчас жертва переживала за беспечность своего похитителя.

До Левши донесся тонкий свист. Как будто за секунду до грохота пронесся по воздуху кнут.

Он резко повернулся к лесу – туда, где едва заметно – не приглядевшись и не разобрать – среди листвы пролегла проволока.

Ее не было. Лишь качнулось несколько веток на том месте, где она почудилась Левше. Он посмотрел на верхушки деревьев справа от себя. Одна или две ветки, словно соглашаясь с тем, что рассуждает он в принципе правильно, махнули ему и замерли.

– Что за чертовщина... – хрипло пробормотал Левша.

И вдруг опять почувствовал запах. Это был не привкус йода и не травяной аромат. Это был запах прокисшего пота.

В десяти шагах от него, в глубине стоящих черной стеной джунглей, раздался треск. Так бывает, когда грибник наступает на сухую ветку...

Шагнув назад, Левша поднял автомат.

Он пятился, пока не ощутил обнаженной спиной жар костра.

– В туалет мы ночью ходим туда, – и один из мужчин показал Левше рукой, куда.

Некоторое время Левша смотрел на него, как недавно смотрела на него Катя – дрожа ресницами, но не моргая.

Потом на лицо его вернулся румянец.

– Я запомню, – пообещал он.

А ведь всего несколько минут назад, находясь на границе тепла костра и прохлады океана, он едва не принял решение вздремнуть.

– Проволока, – проговорил он, видя, как к нему направляется Катя. – Макаров видел ее. И я видел. Значит, это не фантом.

Она подошла и села на старое место.

– Зачем ты ходил к лесу?

– Мне хотелось размять ноги. – Помедлив, он ухмыльнулся своей ядовитой улыбкой. – Послушай, я тебя спрошу, только ты не нервничай.

– О сережке? Ты сумасшедший.

– Я это знаю. Побудь же чуть-чуть чудачкой, поболтай с психом?

– Пять минут.

– Хватит и двух. Ответь, если бы у тебя была сломана застежка, то есть в сережке был проем, это каким-то образом сказалось бы на твоём поведении?

– Ты на самом деле псих. Но я притворюсь чудачкой. Да, Левша, сказалось бы. Я бы не думала ни о чем другом, кроме как об этой сережке. Я постоянно хваталась бы за нее пальцами, проверяя, на месте ли. Я бы не могла работать, заниматься любовью, трезво рассуждать. Я бы только и подгонялась, как шизофреничка. Потому что, черт возьми, ты единственный известный мне мужчина, который обратил внимание на сережки, которые я люблю и которые если бы потеряла, пришла бы в отчаяние. Теперь не хочешь ли и ты побыть немного чудачком и поговорить со мной как нормальный человек?

– Теперь – о чем угодно, самая красивая женщина этого острова, – согласился Левша, а в глазах его языки костра исполняли танец готовящихся к охоте бесов.

– Так вот... – Катя немного растерялась. Она не знала, как разговаривать с Левшой, когда он нормальный человек. – Как ты думаешь, что стало с теми, кого ты застрелил? Я видела, как эти... их товарищи схватили тела и потащили в джунгли... Они их похоронят?

– Они их сожрут.

– К-кто?

– Их, как ты их назвала, товарищи.

– Левша... – тяжело прошептала девушка. – С тобой просто невозможно разговаривать...

Было видно, что уходить ей тем не менее не хочется. Так и было на самом деле. Причин тому было две. Первая – рядом с Левшой было самое безопасное место на острове. Вторая – он не был навязчив. Он единственный, кому не хотелось обнять ее, чтобы согреть. И она заговорила о себе.

Запах йода, запах зелени... свист проволоки в кронах пальм... запах органических отходов... Все это сплеталось в голове Левши в единую косу рассуждений, когда он слушал рассказ Кати о прожитых ею на острове днях...

– Ой!..

Мгновенно отреагировав на этот ее вскрик, Левша сел.

Морщась, Катя волочила к себе руку. Левша увидел на ладони ее кровь.

– Господи, да что ж это такое! – не выдержала девушка, рассматривая небольшую резаную рану на ребре ладони.

– Как это случилось?! – изумился Левша.

– Откуда я знаю?! Я оперлась на песок и...

Левша подсел к Кате и завалился боком ей за спину. Его локоть коснулся ее груди. Она не отстранилась.

Но через мгновение Левша принял привычную позу и с интересом стал рассматривать предмет, который нашел в песке сразу, едва приступил к поискам.

– Я бы больше удивилась, если бы это был осколок от бутылки, – растерянно пробормотала Катя. – Что это?

- Это – наконечник стрелы, детка...
- Наконечник стрелы?
- Ага. Зеленый, как купорос. И это значит, что он...
- Неужели нефритовый?
- Не все зеленое из нефрита, – усмехаясь, ответил Левша. Он в упор смотрел на девушку. – Взять вот твои глаза, например...
- Не будем брать мои глаза. Возьмем наконечник от стрелы.
- Хорошо, – согласился Левша. – Возьмем его. Он медный. Покрылся зеленью от времени. Как пошехонский сыр. Дай-ка мне свою руку... Кажется, я здесь единственный, кто способен бесконечно долго, не требуя благодарности, оказывать помощь. Как первую, так и последнюю...

Глава четвертая

Тормоша Макарова за плечо, Донован кричал за спину, словно Гоша мог его слышать:
– Все бинты, какие есть, все аптечки, какие найдете!..

Наконец ему удалось перевалить тяжелого Макарова на спину. Тот застонал и открыл глаза.

– Макаров, это вы, Макаров? – частил Донован, даже не пытаясь скрыть радость. – Боже мой, как же вы сюда забрались?! И когда – самое главное?!

Глаза Макарова распахнулись, и Донован почуял неладное. Несколько мгновений он пытался отвести глаза от совершенно безумного взгляда, а потом захрипел и стал отдирать от своего горла его руки. Ладони Макарова, обхватившие шею доктора стальными клещами, неумолимо приближали конец. Донован хрипел, бился от удушья, он был в панике и не знал, что делать.

В какое-то мгновение ему удалось повернуть голову, освободив кадык, и он проорал не своим голосом:

– Гоша!.. Гоша!..

Макаров уже не лежал под ним. Завалив Донована на спину, он уселся сверху и, хрипя и роняя на грудь доктора хлопья пены изо рта, вдавливал свою жертву в палубу. Для пущей уверенности в том, что она не выскользнет, он сжал бока доктора коленями. И в тот момент, когда рот его расплылся в почти счастливой улыбке, когда доктор увидел красные от крови зубы его, из-за угла палубной надстройки с двумя коробками в руках появился Гоша.

– Послушайте, док, – громко говорил он, рассматривая на ходу прихваченные трофеи, – здесь сам черт ногу сломит...

Первое, что он увидел, были сандалии доктора. Они скребли палубу так, словно Донован поставил себе задачей отшлифовать стальное покрытие до блеска.

– Что здесь... – успел он пробормотать и в следующее мгновение, выпустив аптечки из рук, бросился на Макарова.

Не поворачиваясь, тот резко двинул плечом, и Гоша, получив сокрушительный удар локтем в лицо, на мгновение потерял сознание. Когда очнулся, перед ним было небо, а слева что-то шумно скребло палубу.

Вскочив и едва не упав от головокружения, он увидел ту же картину. Донован умирать не хочет, а Макаров не хочет, чтобы Донован жил. С этим нужно было что-то делать.

Закричав и представив себя джипом, а Макарова старушкой, Гоша разбежался и врезался в него грудью. Старушка оказалась крепче, чем он рассчитывал. Отлетев от сидящего на докторе Макарова, Гоша грохнулся спиной о ребристую поверхность палубы. И тут же снова вскочил. Боль в челюсти была всего лишь фоном происходящего. На первом плане был несокрушимый Макаров, пытающийся задушить доктора. Движения последнего уже были очень похожи на агонию. Доктор сгибал и разгибал ноги, как младенец с повышенным тонусом.

Гоша в отчаянии огляделся. Нужно было найти что-то, что отвлечет Макарова от его важного дела хотя бы на мгновение. Это мгновение Доновану не помешает. Но ничего, кроме двух аптечек – пластиковых ящичков, Гоша перед собой не видел. Схватив их в руки, он подбежал к Макарову и что было сил ударил его ими по голове.

Видимо, какое-то впечатление на Макарова это все-таки произвело. Куда большее, чем джип «Гоша». Оба ящика с грохотом раскололись, из них вылетели упаковки, склянки, таблетки и стремительно размотались, как змеи, два оранжевых жгута.

Выпустив из рук шею врага, Макаров схватился за уши и зарычал.

И в этот момент Гоша ринулся на него, сбивая с Донована.

– Держите его, док!.. – не своим голосом призывал доктора к активности Гоша. Вцепившись в шею Макарова и широко расставив ноги, он придавливал его к полу и не позволял перевернуться.

Хрипя и кашляя, широко раскрыв глаза и высунув бордовый язык, Донован уселся и принялся издавать какие-то странные звуки. Они были очень похожи на слова, и в то же время Гоше сквозь шум борьбы с Макаровым казалось, что это не Донован говорит, это свистят его легкие...

На четвереньках доктор добрался до места борьбы и, прижав свой лоб ко лбу поверженного Макарова, говорил невнятно, почти стонал:

– Макаров, это я, Донован... Макаров. Придите в себя, иначе...

– Иначе что?! – бесновался Гоша. – Выбросим его за борт?! Еще минута, и он выберется из-под меня и свернет нам шеи!..

Донован отвалился на спину и пополз к рассыпавшимся от удара аптечкам. Схватив шприц и зажав его в кулаке левой руки, правой он катал по палубе ампулы, читая надписи на них...

– Очки... – бормотал он губами, в уголках которых запеклась пена. – Я ничего не вижу без очков... Анальгин или ампициллин?.. Да какая разница, если ни то, ни другое не нужно...

– Доктор, я умоляю вас ускорить ваши поиски!.. – кричал Гоша. По всему было видно, что он не испытывал такого страха перед ситуацией, даже когда забрасывал на авианосец лиану, а в нескольких метрах дожидалась его ошибки смерть. – Я долго не продержусь, клянусь богом!..

Макаров изловчился и махнул рукой. Удар пришелся по Гоше вскользь, но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы он, мужчина весом в восемьдесят килограммов, слетел со своей жертвы, как плюшевый мишка с груди капризного малыша.

– Донован!.. – в очередной раз – он знал, что в последний – позвал Гоша.

Врезав ему кулаком в грудь и заставив замолчать, Макаров поднялся на ноги и развернулся...

И в полуметре от себя увидел другого врага.

Зажав в зубах колпачок от иглы, Донован всадил ему в шею иглу шприца по самую канюлю.

Взревев, Макаров выдернул шприц и поднес его к лицу. Поршень был вдавлен, а то, что было внутри, уже неслось по Макарову, снимая фаску с нереальной действительности...

– Промедол... – просипел Донован. – Это промедол...

– Я как-то не очень в этих названиях... Вы, врачи, даже слово «сопли» в рецептах пишете так, что кажется, будто это не сопля, а деталь космического корабля...

– Дал бы ему больше, но он еще под бензодеазепинами... Его сердце не выдержит...

Немного постояв, Макаров, уже совершенно спокойный и ко всему равнодушный, сел на палубу. Некоторое время он качался, как китайский болванчик, а потом два раза улыбнулся и снова улегся на палубу.

– На свое место лег, – заметил Донован.

Совершенно не представляя, что на это ответить, Гоша вытер кровь со лба и, с трудом передвигая ноги, добрался до лестницы, ведущей на надстройку.

– У вас нет сигареты, Донован?

– Я думал, первым делом вы спросите, как Макаров здесь оказался.

– Зачем спрашивать, если вы мне все равно не ответите?

– А вы думаете, я вам отвечу на ваш первый вопрос?

Не имевшие сил до этого, теперь они, окончательно потеряв возможность двигаться, смотрели друг на друга равнодушно и бессмысленно.

– Слава богу, он жив, – как-то неуверенно сказал наконец доктор.

– Я тоже был рад увидеть его.

Из носа Гоши текла кровь. Он размазывал ее по лицу, задирает подбородок, но кровь все равно текла, как из сломанного крана.

Через десять минут оба сидели рядом со спящим, изредка выкрикивающим угрозы Макаровым.

– И долго ему будет хорошо?

– Я успею вас полечить.

* * *

Он разлепил веки. Во рту был омерзительный привкус технической водки. Или стеклоочистителя. Или чего-то другого, но что бы это ни было, послевкусие от употребленного дыханием выносило из него выхлопы сгоревшей резины..

– Все, мультики закончились, – услышал он над собой. – Может, перевернуть диск?

Застонав, Макаров перевернулся на другой бок.

– Он сам перевернулся. Больше ему нельзя.

– Как думаете, доктор, я не слишком погрешу против истины, если скажу, что несвязанный наш друг представляет для нас смертельную опасность?

– Ему сейчас не до войны...

Перевернувшись на живот, Макаров сначала подтянул под себя одну ногу, затем вторую. Потом наступила очередь рук. Самым трудным оказалось оторвать голову от палубы. Она словно прилипла. Провалив две попытки сесть, он дополз до лестницы, где сидел Гоша, и вцепился в одну из подпирающих перила стальных балясин. Через минуту ему удалось подняться на ноги.

Он спокойно, почти равнодушно огляделся, посмотрел на Гошу, на Донована и только после этого произнес:

– Здравствуйте... У меня крышу сорвало, или я на самом деле на палубе авианосца «Тирпиц»?

– Вы знаете, кто я? – осторожно поинтересовался доктор.

Макаров посмотрел на него с упреком.

– Донован, не задавайте глупых вопросов. Лучше ответьте, почему за бортом джунгли?

За время своей практики Донован отвечал на разные вопросы. Иногда его пытались завести в тупик маститые хирурги Старого Света, перспективные студенты на кафедре морочили голову, спрашивая о том, о чем не знал даже ибн Сина. Но каждый раз Донован имел ответ. Сейчас же, глядя на Макарова и пытаясь напрячь мозг, он вынужден был признать, что нужно либо глупость сказать, либо сообщить новость, которая поставит под вопрос его умственные способности.

– Видите ли, Макаров, за бортом джунгли, потому что мы, – он мгновение подумал, чтобы найти обоснованный ответ, но не нашел, – на острове.

Доковыляв до леера, Макаров подался вперед и посмотрел вниз. Минуту он стоял, не шелохнувшись. Потом выпрямился и стал искать что-то в карманах. Не найдя, вернулся.

Не обращая ни к кому конкретно, он развернулся лицом по направлению к взлетной палубе и ткнул пальцем вниз.

– Я готов поклясться, что стою на палубе авианосца. Рядом со мной двое, которые будят во мне смутные воспоминания. Один из них доктор Донован, второй – геолог из России. Первое и второе никаких вопросов у меня вызвать не могли. Осталось выяснить... я даже не знаю, как это сформулировать... Между тем я все отлично помню.

– И как чуть не придушили доктора – тоже помните?

– Не пытайтесь меня запутать, геолог...

Гоша, покраснев, привстал со ступеньки, но Донован выбросил в его сторону руку.

Прожаживаясь по палубе под палящим солнцем, Макаров тер подбородок и морщился, как при зубной боли. Нагулявшись вволю, он нашел на палубе тень, вошел в нее и сел, прижавшись спиной к перегородке надстройки. Теперь он тер лицо руками.

– Питер... – донеслось наконец до Гоши.

Донован вскочил и, прихрамывая, направился к Макарову.

Тот был уже на ногах. Взгляд его ожил. Расхристанный, втирая замокшую от пота кровь в лицо и вглядываясь куда-то вдаль – Донован заметил, что Макаров безошибочно нашел направление к берегу, где был разбит лагерь, – он вспоминал.

– Питер.

– Прежде всего, позвольте, я перевяжу вас...

Кажется, Макаров действительно вспомнил. И вспомнил все. Потому как если бы из воспоминаний ускользнули детали, он уже пытался бы покинуть судно.

– С ними все в порядке, – заверил Гоша. – Нам нужно привести сюда людей, ведь это единственное известное нам место, где можно ждать «Кассандру», не ожидая нападения со спины.

Сморщившись, Макаров повел корпусом. Он был ужасен и немного смешон в этот момент. Грязное лицо, на котором кровь и грязь были размазаны в одинаковых пропорциях, короткие, тронутые сединой волосы торчали в разные стороны. И даже глаза казались не ему принадлежащими, а взятыми напрокат для демонстрации усталости и боли.

– Только пообещайте не пытаться больше нас убить, дружище, – по-русски попросил Гоша.

– Что за ерунду вы говорите, – возмутился Макаров. – Зачем бы мне понадобилось убивать друзей?

Через двадцать минут, стоя на нижней палубе, где пахло машинным маслом и эхо скользило по потолку, Макаров ошеломленно молчал. Это была его реакция на развернувшуюся перед ним картину. Сделав шаг вперед, он словно поехал на автоматической коробке передач. Скорость его с каждым шагом увеличивалась.

– Этого не может быть...

– Это первое, о чем я подумал, когда побывал здесь, – сообщил Гоша, не желая уступать первенство. – Пять штук. Красавцы. Только какие-то старые.

Макаров вошел в пространство между самолетами и, словно не доверяя глазам, потрогал рукой крылья рядом стоящих. Для этого ему пришлось сделать лишних десять шагов.

– Этого не может быть... никак... – бормотал, словно сомнамбула, Макаров.

– Да бросьте вы! – иронично воскликнул Гоша. – Что вы причитаете, как ребенок, в самом-то деле! Что не может быть? Самолетов? Тогда что вы ходите и ощупываете!

И Гоше, и Доновану казалось, что Макаров не с ними. Он где-то далеко, в другом измерении, он не слышит их и не видит.

– Третий. Двадцать восьмой... Тридцать шестой... Они все здесь...

Обхватив голову руками, он остановился у самолета с бортовым номером: «FT-28». Он стоял и не сводил с этого номера глаз. Донован скользнул взглядом по фюзеляжам других самолетов. «FT» – буквенное обозначение для всех было единым. Различались только номера: 3, 36, 81, 117 и – 28, рядом с которым стоял Макаров.

Донован хотел уже спросить, чем он так удивлен, по крайней мере, есть чему удивляться более, но вдруг Макаров зарычал, и в голосе его слышалось беспросветное отчаяние. Он сжимал на голове кулаки, пытаясь, видимо, вцепиться себе в волосы, чтобы вырвать их с корнем, но они были слишком коротки для этого. Воспаленные глаза его беспредметно блуждали по полу, Макаров сошел с ума – казалось Доновану...

– Макаров... – тихо позвал он.

– Меня заставляют спятить!.. – прокричал тот так громко, что по нижней палубе прокатилось оглушительное эхо. – Они хотят отобрать у меня сына!.. – Внезапно он обернулся, сияя какой-то смутной надеждой. – Гоша... – прошептал он по-русски, оставив в покое, наконец, свою голову. Сейчас он выглядел еще более обезличенным, чем когда пытался задушить доктора. – Гоша, дорогой... заберись в кабину...

– Зачем?

– Заберись, я прошу тебя... И посмотри, есть ли там, на приборном щитке, часы...

– Какие часы? – раздраженно встрял Донован. За последние несколько минут он подрастерял врачебное хладнокровие.

– Обыкновенные... со стрелками. Заберись в кабину, Гоша, обыщи эту доску... чертову доску обыщи и найди мне часы!..

Видя, что никто не собирается потакать его капризам, он развернулся и потащил к первому самолету, на борту которого значилось «FT-117», трап. Душераздирающий скрежет сопровождал каждый его шаг.

– Часы... Там должны быть часы!

Он запрыгнул в открытую несколькими часами ранее кабину. Через минуту появился и стал живо спускаться по лестнице.

– Это случайность, – громко говорил он. – Просто случайность. Понимаете? – И с этими словами он потянул трап к самолету с номером «36».

Через минуту выбирался и из его кабины.

– Кто сказал, что случайность не может повториться? – глядя на Донована почти здоровыми глазами, спокойно говорил он, хватая трап, чтобы тащить его к самолету с бортовым номером «FT-81».

– Доктор, у вас еще промедол остался?

– Ни в коем случае, – решительно ответил Гоше Донован. – Я видел, как действуют на него гипнотики... Сегодняшним утром он немного не похож на себя, не находите? Я уже и не знаю, кто выскочит из него в следующую минуту с криком «Хэллоу!».

Через пять минут, держась за голову и бормоча что-то, Макаров вернулся к ним. Донован заметил, что всегда выдержанного мужчину колотит мелкой дрожью. Списав это на побочное действие наркотика, он положил руку на плечо Макарова:

– Послушайте, дружище... Будет лучше, если вы объясните нам, что происходит. С вами что-то неладное?

– Да, кажется... – Растерев лицо, Макаров этим не помог себе. Оно стало еще более растерянным, а взгляд совершенно пустой. Вдруг этот пустой взгляд остановился на предмете, лежащем под ближайшим к выходу самолетом. – Гоша... Когда вы обнаружили эту палубу, это лежало под самолетом?

– Это кондиционер, – успокоил Макарова Донован.

Тот помолчал.

– Я вижу, что кондиционер. Гоша?..

– Понимаете, я забрался в самолет... Потянул ручку... В общем, она упала.

– Сколько времени это здесь лежит?!

Крик Макарова разорвал тишину, и эхо заметалось под разводным потолком.

– Я думаю, часа два, – вмешался Донован. – Вам нужно отдохнуть, пройдемте наверх... – И он тронул плечо Макарова.

– Сейчас мы все отдохнем, – каким-то странным голосом пробормотал тот и стряхнул руку Донована. Направляясь к огромному цилиндру, он добавил: – И поднимемся куда выше взлетной палубы...

– Я начинаю задумываться над промедолом, – признался доктор Гоше, наблюдая за тем, как присевший рядом с предметом Макаров откручивает что-то из задней его части.

– Двадцать минут, – сказал Макаров, выпрямившись. – У нас есть двадцать минут. Если через тысячу двести секунд мы не разведем авианосец и эту штуку в разные стороны, авианосца здесь не будет. – Несмотря на прохладу, застывшую на нижней палубе, по лбу его катились крупные капли пота. – Нет, он будет... Но его здесь будет мало.

– Да что вы говорите так – и не на русском, и не на английском?! – возмутился, дерзко вскинув голову, Донован. – Сейчас не время для шарад!

Макаров пристально посмотрел на Гошу. Потом ткнул пальцем в лежащий под ним цилиндр.

– Он что, не знает, что это такое?

Тот покачал головой.

– Мистер Донован, это морская торпеда весом девятьсот килограммов. Если бы она стояла на боевом взводе, то два часа назад со всех палуб Карибского бассейна упали бы кокосы. А сейчас она просто включила механизм самоликвидации. И счетчик тикает обратный отсчет. И закончит тикать он через тысячу двести... Нет, я погорячился. Через тысячу сто секунд.

– О чем он говорит? – поправив треснутые очки, спросил Донован у Гоши.

– Он говорит, что у нас есть восемьдесят минут, чтобы свалить отсюда.

– Черта с два! – вскричал Макаров. – Черта с два я позволю двоим идиотам уничтожить авианосец!.. На берегу – люди! Когда придет «Кассандра» – я не знаю! А это единственное место, где мой сын может чувствовать себя в безопасности!..

– Я не понял – *это* взорвется?

Макаров, играя желваками на скулах, потемнел лицом. Подняв руку, он установил на таймере обратного отсчета часов: «500».

– Все вверх, быстрее! – уже на лестнице, окрашенной солнечным светом в золотой цвет, он прошептал так, что услышал его только спешащий за ним Гоша: – Только бы работал механизм...

Какой механизм, Гоша решил не спрашивать. Сегодня утром он и без того сделал немало.

– Подойдите к надстройке палубы! – Макаров, торопясь к лестнице, ведущей на рубку, показывал на что-то рукой. – Видите этот шов? Держитесь от него подальше! Гоша, уведите доктора!

– С ним определенно что-то происходит, Джордж, – сообщил Гоше доктор. – Так, значит, дорогой геолог, это был не кондиционер?

– Я геолог, а не пилот! Я имею право ошибиться!

Задышавшись, Макаров пинком ноги распахнул дверь в рубку. Где-то здесь... Здесь должен быть пульт управления... Это боевое отделение корабля, центр управления авианосцем. Макаров знал, что управление палубами может находиться только здесь.

– Только бы работал механизм... – бормотал, как заклинание, он.

Чтобы не включать несколько десятков тумблеров по очереди, он положил руку и резко провел ею по пультам. Те два или три, что остались выключенными, он отщелкнул пальцами.

Здесь все было как на обычном авианосце. Три последних года он служил на «Адмирале Кузнецове». Эхо холодной войны. СССР очень выигрывал при сравнении мощи армии, когда говорилось о том, что у США есть 11 авианосцев, а у СССР нет ни одного. А американцы из скромности никогда не упоминали о том, что у СССР есть авианесущие крейсера, которых нет у них, но которые ничем, кроме названия, от их авианосцев не отличаются. На одном из таких «неавианосцев», «Адмирале Кузнецове», и служил два последних года Макаров. После той истории с подлодкой, когда они чудом выжили во льдах, экипаж был расформирован, личный состав награжден. А Макаров повышен. Как же давно это было...

Здесь все как на «Кузнецове». Главное, понять, где это – все...

Донован от изумления схватил Гошу за руку. На его глазах раскаленная верхняя палуба авианосца, разделившись пополам, стала разъезжаться в разные стороны. Стоял оглушитель-

ный гул и скрежет. Даже непосвященному в секреты механики должно было быть понятно, что в механизмах не хватает машинного масла. Палуба раздвигалась медленно, из-за недостатка смазки шестерни почти визжали, и то правая плита палубы, то левая отставали от равномерного хода.

Вскоре завывали другие устройства. Еще более ужасный шум заставил Донована поморщиться. А через мгновение он оцепенел – перед ним, из ниоткуда, из преисподней, медленно поднимались пять самолетов...

И вдруг все стихло. Случилось это сразу, как только нижняя палуба авианосца с самолетами сровнялась с краями взлетной палубы. В этот-то момент и обернулся Гоша на грохот за спиной. По сравнению с общим воем это был не грохот, а просто шепоток, но во внезапно оглушившей всех тишине он прозвучал как гром. Быстро переставляя ноги, а иногда и просто съезжая по перилам, сев на них, как на санки, из рубки спускался Макаров.

– Сейчас мы берем торпеду и оттаскиваем ее с поднявшейся палубы. Это все!

Вцепившись в оперение стабилизатора и крихтя, они отволокли торпеду на безопасное от края платформы расстояние.

– Опускаю нижнюю палубу! Как только верхняя сомкнется, тащите заряд к корме!..

И он, перепрыгивая через несколько ступеней, помчался наверх.

– Вы знаете, что он делает?

– Я – нет, – ответил Гоша. – Но он, по крайней мере, что-то делает. Как всегда...

Вдвоем тащить было тяжело. Упираясь сандалиями в шершавость палубы, они волокли девятисоткилограммовую торпеду медленно. Но все-таки волокли. Им помогала безупречность палубы и решительность Макарова.

Послышался грохот стекла. Не справившись с заржавевшей оконной задвижкой, Макаров просто выбил стекло и теперь кричал сверху, поторапливая...

Он посмотрел на часы. Пятьсот сорок секунд осталось в его распоряжении. Торпеда на взлетной палубе. А что дальше?.. Он знал, он помнил, эти торпеды времен Второй мировой часто не взрывались, но кто скажет наверняка, что это как раз та самая, не способная взорваться?

На непослушных ногах он сбежал вниз. Донован с Гошей, напрягаясь из последних сил, волокли снаряд к корме. Сто метров до них, сто метров... А что дальше? Он посмотрел на часы. Пятьсот десять секунд.

Гоша, упираясь, двигался почти горизонтально палубе. Отпусти он руки – и в мгновение ока улетит в сторону. Подоспевший Макаров налег на конус, и цилиндр поехал чуть быстрее.

– Макаров... – задыхаясь, прохрипел Донован. – Вот дотащим мы ее до кормы... и что потом?

– Что потом... что потом... – повторял как в ступоре тот. Глаза его были налиты кровью, вены на лбу вздулись. Он толкал торпеду с девятьюстами килограммами тротила и не знал, что ему делать потом.

Четыреста восемьдесят секунд...

– Проклятье! – вскричал, трясая головой и сбивая с головы брызги пота, Гоша. – Она зацепилась за что-то!..

Дальше они с доктором тянули вдвоем. Макаров стоял и смотрел на паз, пересекавший палубу поперек.

– Эй! – с досадой окликнул его Гоша.

Но Макаров не слышал его. Его глаза блестели, он смотрел в паз так, словно собирался выковырять из него грязь. Подняв голову, он увидел то, что ожидал. Гоше пришлось согрешить перед небесами еще трижды. Четыре пазы шириной в семь сантиметров располагались на расстоянии двенадцати метров друг от друга. Первый рубеж был преодолен, оставалось еще три...

Все как на «Адмирале Кузнецове»!

Он еще не сделал вывода. Он чувствовал, как разрывается от перенапряжения мозг.

«Это невысказано... – думал он, налегая на торпеду. – Это сумасшествие. Это кирдык, если я просчитаюсь... Но разве есть другой выход?»

– А есть ли у меня другой выход?.. – прохрипел он, ощериваясь от напряжения и перетаскивая груз через последний, четвертый, паз.

– О чем вы? – вяло моргая, пробормотал Гоша.

Макаров поднялся на ноги и, петляя от изнеможения, побежал не к лестнице, а к помещению в надстройке судна на первом этаже. Рванул дверь на себя. Заперто. Отошел на шаг, врезал по стеклу локтем. Брызги крови и осколки стекла влетели внутрь.

Перевалившись через стенку в проем, он поднялся с пола и, качнувшись, включил механизм. Включая, посмотрел на часы. Триста шесть секунд... Кровь лилась с распоротого локтя, и было слышно, как капает она на пол, капает, словно отсчитывая последние мгновения жизни – по две капли за секунду: кап-кап... кап-кап...

Механизм чавкнул, раздался сначала щелчок, потом гул...

Донован уже перестал удивляться. Он решил быть всему свидетелем без комментариев. Для объяснений есть Макаров, в конце концов...

– Смотрите, Джордж, – облизав губы, просвистел он. – Канат какой-то появился...

Из первого паза на высоту пятнадцати сантиметров выскочил стальной трос. Он был растянут между двумя механизмами, утопленными в палубу. И вдруг снова – щелчок, и – трос ослаб. Более того, он стал вылезать с двух сторон – из распорочной установки на палубе. Он вился, как живая металлическая змея. Выползал, сворачивался в крупные кольца, падал плашмя и снова бугрился кольцами... И наконец замер.

Грохнула отпертая изнутри дверь, и из нее вывалился Макаров. Придерживая раненый локоть, он засеменил к бомбе.

– Вы же не в первый раз делаете это, дружище? – требуя успокоительного в виде ответа «да», спросил Донован.

Не глядя на него, Макаров стал выбирать из образовавшейся бухты трос.

– Ни один – вы слышите меня? – ни один психически адекватный военный моряк не станет делать то, что делаю сейчас я, слышите? – бормотал он, заходя с тросом за торпеду.

– Матерь Божья... – отходя на три шага, прошептал Гоша. Было очевидно, что образовавшаяся конструкция пробудила в нем какие-то ассоциации.

– Что это за канат? – требовал надежды на будущее доктор. – Что за канат может быть натянут поперек палубы, по которой взлетают самолеты?!

Макаров посмотрел на часы. Двести восемь секунд.

– У вас три с половиной минуты, чтобы попрощаться, – и он направился к надстройке.

– Что все это значит?!

Донован хотел еще что-то прокричать, но, когда поднялся на ноги и отошел, когда рассмотрел подробности случившегося, из уст профессора вырвалось ругательство.

– Он спятил?!

– А у вас есть другое решение?!

– Макаров?! – сдергивая с носа очки и вцепившись пальцами в волосы, в отчаянии прокричал доктор.

Развернувшись, тот пошел к надстройке спиной вперед. Чем дальше он отходил, тем громче кричал...

– Это аэрофинишер, доктор!.. При посадке летчик выпускает из-под хвостовой части самолета посадочный гак, который зацепляется за него. Тросовая система растягивается, плунжер гидротормоза входит внутрь цилиндра и вытесняет из него тормозную жидкость через калиброванное отверстие в воздушный аккумулятор! Этим обеспечивается торможение самолета по заданной программе. После отцепления самолета от троса сжатый воздух, расширяясь,

возвращает поршень и связанный с ним тормозной трос в исходное положение... Что вам еще рассказать, док?! Вытяжка троса при посадочной скорости самолета примерно в двести пятьдесят километров в час и перегрузке торможения в четыре «жэ» достигает ста с небольшим метров! Мы растянули его на максимум!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.